

Любовь, предательство, тайные
заговоры и политические перевороты...
И все это на фоне захватывающих
исторических событий
www.amazon.com

HARLEQUIN®

NEW YORK TIMES
BESTSELLING AUTHOR

HISTORICAL *Romance*

Фрейлина

НОМИНАЦИЯ НА ПРЕМИЮ ROMANTIC TIMES
«ЛУЧШИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ АНТУРАЖ»

Шеннон Дрейк
Фрейлина

«Центрполиграф»

2011

Дрейк Ш.

Фрейлина / Ш. Дрейк — «Центрполиграф», 2011

Быть с любимым или хранить верность королеве? Гвинет Маклауд, фрейлина будущей Марии Стюарт, оказалась меж двух огней. Сопровождая августейшую особу на родину в Шотландию, Гвинет встретила лорда Рована Грэма, красивого и смелого горца. С первого взгляда в их сердцах разгорелся огонь страсти. Но королева Шотландии Мария не дала согласия на брак. Более того, Рован объявлен предателем, изменником родины! Гвинет вынуждена пробираться сквозь сети королевских интриг, преодолевать козни католиков и протестантов, смириться с заключением в лондонском Тауэре. И все это для того, чтобы сохранить любовь и остаться надежной опорой для королевы. Сможет ли хрупкая леди пройти через такие испытания?

© Дрейк Ш., 2011

© Центрполиграф, 2011

Содержание

Пролог	5
Часть первая	10
Глава 1	10
Глава 2	20
Глава 3	28
Глава 4	40
Глава 5	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Шеннон Дрейк Фрейлина

*Посвящается Джоанне Хеммонд, Джуди Де Витт, а также
Кристи и Брайану Алерам с любовью и благодарностью за их постоянную
замечательную поддержку*

Пролог

Перед костром

Гвинет услышала гулкие шаги в пустом коридоре и бряцание ключей и поняла, что тюремщики идут к ее камере.

Настал ее последний час.

Она с самого начала знала, что обречена, и твердо решила умереть непокоренной, встретить смерть с презрением и достоинством. Но сейчас, на пороге небытия, кровь стыла у нее в жилах. Легко быть смелым, пока опасности еще нет, но как только будущее стало ужасной действительностью, узницу охватил неописуемый ужас.

Она закрыла глаза, чтобы собраться с силами.

По крайней мере, она может стоять на ногах. Ее не потащат на костер, как многих других достойных жалости приговоренных, которых «убедили» признаться в преступлениях. Те, кому доказали их виновность с помощью тисков, решетки или иных орудий, редко бывали в состоянии идти сами. Она же с самого начала сказала тем, кто ее допрашивал, все, что они хотели от нее услышать. Она стояла перед судьями, гордо выпрямившись во весь свой высокий рост, и произносила признание с язвительной насмешкой, всем своим видом давая понять, что она побеждена, но не сломлена. Она сэкономила королевским властям много денег, ведь изверги, которые пытаются заключенных, чтобы выбить из них «правду», должны получать плату за свою дьявольскую работу.

Ее грела мысль, что себя она все-таки избавила от позора – не допустила, чтобы ее волокли на костер изломанной, изуродованной, окровавленной.

Еще раз зазвенели ключи, и звук шагов стал громче.

«Дыши! – приказала она себе. – Я смогу все вынести и умереть достойно. Я невинна и должна радоваться, что могу сама идти на казнь: я же видела, что они способны сделать. Весь этот ужас...»

Она держалась неестественно прямо – не от гордости, а потому, что просто не могла согнуться от холода. Ей казалось, что она превратилась в ледяную статую, все ее мышцы онемели. «Ну, это ненадолго», – мысленно посмеялась она над собой. Пламя быстро согреет ее своей глубокой смертельной лаской, и она растает. Это не было дополнительной пыткой для обреченных и искалеченных людей. Огонь нужен был для того, чтобы эти проклятые люди были уничтожены полностью: пепел смешается с пеплом – «ты земля и в землю уйдешь».

Обычно перед тем, как зажечь костер, приговоренных душили. Но если судьи были очень злы на жертву, костер могли зажечь раньше чем положено и не дать палачу времени, чтобы ускорить конец и уменьшить муки осужденного. Она нажила себе врагов. Она говорила за других и сражалась за себя. Вряд ли ее смерть будет быстрой.

У нее слишком много врагов, это и привело ее к осуждению и неминуемой смерти. Она легко поняла, кто в этом виноват – но уже после того, как была арестована.

Многие люди верят в дьявола и думают, что все зло в мире от ведьм. В это верит и сама королева, которой Гвинет так верно служила. Да, человек слаб. Сатана приходит по ночам, и люди заключают с ним договор и подписывают его своей кровью. Договор о том, что можно навести проклятие или порчу на невинного человека. Они думают, что признание может спасти бессмертную душу, а мучительные пытки и смерть – единственный путь обратно в руки Всемогущего Господа. И сейчас таких людей большинство. В Шотландии, как и во многих европейских странах, колдовство карается смертью.

Она не была виновна в колдовстве, и судьи знали это. Ее преступлением была верность королеве, которая своими безрассудными страстями навлекла на них проклятие.

Но это было уже не важно. Не имели значения ни позор перед судьями, ни жестокость вынесенного ей приговора. Сейчас она умрет, и теперь важно только это.

Дрогнет ли она? Что будет, когда ее обожжет первое прикосновение огня? Закричит ли? Конечно, закричит: это будет такая ужасная боль!

Она права и невиновна. Какой прок от этого теперь?

И кроме страха перед смертью и болью, она чувствовала сожаление. Она жалела, что раньше не понимала, как много отдала в обмен на верность своим идеалам. Мысль, что она покидает этот мир, была как кровоточащая рваная рана в сердце. Эта рана жгла ее так, словно была посыпана солью. Что бы они ни сделали с ее телом, это не может быть тяжелее, чем адская мука, терзавшая сейчас ее душу. Ведь как только ее не станет...

Что будет с Дэниелом?

Конечно, ничего. Бог не может быть так жесток. Суд и казнь должны заставить замолчать ее, и только ее одну. Дэниел в безопасности у тех, кто любит его. И его отец, конечно, не позволит, чтобы сыну причинили вред – что бы она ни сделала, как бы дерзко ни вела себя с ним.

Шаги зазвучали еще ближе, замерли перед ее камерой, и Гвинет на мгновение ослепла от яркого света фонаря, который стражи принесли с собой в эту темную башню. Сначала она видела только, что этих людей было трое. Потом глаза привыкли к темноте, и на мгновение ее сердце бешено забилося.

Среди них был *он*!

Ну конечно, он не мог допустить, чтобы ее жизнь закончилась так ужасно! Несмотря на его гнев, предупреждения и угрозы, он не мог желать *этого*. Он достаточно часто говорил – и ей пришлось признать его правоту, – что она слишком похожа на королеву, которой служила: безрассудно говорит то, что думает, и не видит опасностей, которые порождает такая честность. Но все-таки мог ли он быть частью этой головоломки, этого несправедливого и лживого политического спектакля, который разыграли интриганы? Он обнимал ее, и в это короткое сияющее мгновение она узнала, как сердце может управлять умом, как страсть может уничтожить благоразумие, как любовь может смести здравый смысл со своего пути.

Они много пережили вместе. *Слишком* много.

И все же...

Мужчина может предать другого мужчину так же легко, как ветер меняет направление, – ради спасения своей жизни, ради положения в обществе, имущества и процветания. Неужели он действительно участвует в этом спектакле? Ведь это *он*, она не ошиблась.

Рован был здесь во всем своем блеске. В мерцающем свете факелов его пшеничные волосы казались золотыми. Он выглядел как благородный шотландский дворянин – на нем был килт¹ цветов его клана и широкий, отделанный мехом берет, от которого его плечи казались еще шире. Он смотрел ей в глаза, а рядом с ним стояли ее судья и палач. Лицо Рована с крупными, словно высеченными резцом чертами было мрачным: он тоже пришел исполнить

¹ Килт – шотландская юбка в складку, часть воинского наряда. (Примеч. ред.)

приговор. В черных как уголь глазах отражались холод и презрение. Ее сердце сжалось, словно длинные ледяные пальцы дотянулись до него и сдавили. Какая она глупая: поверила, что он пришел ее спасти.

Он здесь не для того, чтобы помочь ей, а чтобы судить ее. Он не остался в стороне от политических игр последних дней. Как очень многие знатные дворяне, Рован в совершенстве владел отточенным столетиями искусством взятия крепостей, умел побеждать и с успехом применял эти знания, плетя интриги в залах дворца.

Она не шевелясь смотрела только на него, не замечая его спутников. Она заставила себя не обращать внимания на свой грязный и неопрятный вид. Ее одежда была рваной, сырой и покрылась тюремными нечистотами и плесенью. Гвинет не позволила себе дрогнуть под взглядом Рована. Даже в лохмотьях она держалась спокойно и величаво. Она твердо решила закончить свою жизнь красиво и достойно. Рован наблюдал за ней, обжигал жестоким, осуждающим взглядом. Его синие глаза так потемнели, что казались ей двумя зловещими колодцами, в которых виден ад, где она окажется, когда в мучениях испустит последний вздох на костре.

Она всем своим видом показывала презрение к этому взгляду и почти не слышала судью, который читал обвинительный приговор, сообщая ей, что настал ее последний час.

«...Сжечь на костре, пока не придет смерть... пепел развеять по ветру...»

Она не шевельнулась, даже не моргнула, просто стояла совершенно неподвижно, высоко держа голову. Теперь она заметила, что преподобный отец Мартин тоже пришел и стоял позади остальных. Ее почти позабавило, что они прислали сюда этого любимого комнатного пса, чтобы он попытался снова пробудить в ней жалкий ужас и заставил повторить признание даже на костре. В конце концов, если она убедит толпу, что была служанкой дьявола и виновна во всевозможных ужасных преступлениях, люди не станут шептать, что она – невинная жертва политической борьбы, и этот шепот не превратится в крик, который прозвучит по всей стране и поднимет волну народного гнева и сопротивления.

– Леди Гвинет Маклауд, вы должны признать свою вину перед большим скоплением народа, и тогда ваша смерть будет легкой, – сказал священник. – А теперь исповедуйтесь и помолитесь, потому что, если вы покаетесь всем сердцем, наш великий Небесный Отец может избавить вас от вечного пребывания в самых глубоких безднах ада.

Она не могла оторвать взгляд от Рована. Он был настолько выше всех остальных, что казался неукротимым великаном. Рован по-прежнему смотрел на нее с величайшим отвращением. Она молилась Богу, чтобы в ее собственном взгляде отвращение было заметней, чем ее страх.

– Будьте осторожней, преподобный отец, – тихо ответила она. – Я уже осуждена, и, если теперь буду говорить перед толпой народа, скажу, что ни в чем не виновна. Я не солгу перед народом, иначе Отец Небесный покинет меня. Я пойду на смерть, а после нее – на Небеса, потому что наш добрый Господь знает, что я невиновна и что вы используете Его имя, чтобы избавиться от политического противника. Боюсь, что это *вы* будете долго гореть в аду.

– Не богохульствуй!

Эти слова ошеломили ее, потому что их выкрикнул Рован.

Он мощным грубым рывком распахнул дверь ее камеры. Прежде чем Гвинет успела понять, что происходит, он схватил ее и жестоко вцепился ей в волосы одной рукой, заставляя молодую женщину смотреть вверх, прямо в его глаза, и не позволяя ускользнуть от другой руки, которая касалась ее щеки.

– Ни в коем случае нельзя позволить ей говорить перед большим скоплением людей. Она знает, что ее душа попадет в ад, и постарается утащить других вслед за собой в зловонную дыру Сатаны, – грубо, с ненавистью и убеждением в голосе прорычал Рован. – Поверьте мне, я слишком хорошо знаю, как соблазнительны ее колдовские чары.

Как такие слова могли сорваться с его губ? Когда-то он клялся, что будет любить ее всегда. И дал перед Богом обет любить ее.

Сердце леди Маклауд разрывалось при мысли, что он пришел не только как свидетель ее страшной смерти, но и как один из ее мучителей.

Его ладонь была широкой, а прикосновение длинных пальцев нежным, что удивительно для рук человека, привыкшего иметь дело с мечом. Гвинет с новой болью вспомнила, что раньше эти пальцы тянулись к ней лишь для того, чтобы с величайшей нежностью скользить по ее коже. А его глаза... глаза, которые смотрели на нее с таким восхищением, с таким весельем, иногда даже с гневом, но чаще всего с глубокой страстью, которая ласкала ее душу сильнее, чем любое прикосновение могло бы ласкать ее тело.

Теперь эти глаза были темными и жестокими.

Держа ее так, чтобы она не могла защититься, и продолжая пристально следить за ней взглядом, он пошевелился. Она увидела, что он держит что-то в руке – это была маленькая стеклянная чашка. Рован поднес эту чашку к ее губам и, наклонившись, тихо шепнул, чтобы слышала только она:

– Выпей это. Сейчас.

Гвинет растерянно смотрела на Рована, не понимая его, но зная, что у нее нет выбора. Она почти улыбалась, потому что видела, как в его синих – синей, чем небо и море, – глазах мерцает какое-то чувство – отчаяние и что-то еще. Вдруг она поняла, что это было. Рован играл роль, он не забыл ее!

– Ради бога, выпей это сейчас, – повторил он.

Она закрыла глаза и выпила.

Через секунду камера закружилась у нее перед глазами, и она поняла, что все-таки Рован оказался милосердным – он помнит те минуты, когда страсть с дикой силой бросала их друг к другу. Рован дал ей яд, чтобы избавить от мучений в пламени, которое должно с ревом сожрать ее тело и бушевать, пока она не превратится в пепел, а пепел потом развеют по ветру.

– Сатанинская сука! Она издевается над нами! – прорычал Рован, и его руки крепче сжали ее шею.

Он хочет показать, будто задушил ее не из милосердия, а чтобы не дать ей заговорить перед людьми.

У нее стало темнеть в глазах, руки и ноги онемели. Она уже не могла стоять и повисла на руках у Рована. Мысленно она благодарила его за то, что умрет до того, как сгорит в огне.

Но даже в эти последние минуты ее душа с бешеной силой сопротивлялась жестокой правде. Она не желала признавать, что тот, кому она верила, кого любила больше жизни, с кем делила любовный восторг и была на вершине блаженства, отнимает у нее жизнь.

Она снова увидела его глаза, яркие, как два синих огня. Неужели эти два маяка не оставят ее в покое и после смерти?

Ее губы зашевелились.

– Негодяй, – прохрипела она Ровану.

– Я встречусь с вами в аду, леди, – ответил он.

Эти слова были сказаны шепотом, и все же ей показалось, что они, как огонь его глаз, обязательно будут сопровождать ее в вечности.

Его рот изогнулся. Что это – улыбка? Он смеется над ней даже в минуту ее смерти? Ее зрение слабело, но она посмотрела ему в глаза, желая убедиться, что ее догадка верна. Но увидела в них только печаль. И еще Гвинет заметила, что он старается сообщить ей взглядом нечто, о чем не должны знать остальные.

Пока силы не оставили ее, она глядела в его глаза, пытаясь разгадать все, что в них таится, и передать ему свою просьбу.

Дэниел...

Она хотела произнести это имя вслух, но не осмелилась. Она *знала*, твердо знала, что он будет любить их сына, что Дэниел не будет ни в чем нуждаться. Рован позаботится о нем. Рован не такой, как она, и не погибнет из-за каприза переменчивой судьбы правителей. Он всегда был государственным человеком. Его враги всегда верно оценивали его могущество и силу народной любви к нему.

Темнота вокруг нее стала еще плотней, но боли она не чувствовала. Если бы Гвинет лучше усвоила, как надо вести дела государства!

Если бы королева тоже научилась вести их лучше!

Может быть, она, как и Мария, тоже чаще, чем надо, давала волю своим чувствам и убеждениям, высказывала свои собственные представления о том, что хорошо, а что плохо. Может быть, существовал лучший способ стоять на своем и помогать королеве-подруге, которая – Гвинет помнила это даже сейчас – находится в большой опасности? Королева тоже легко может погибнуть: ее уже заставили отказаться от всего, ради чего стоит жить.

Разве она могла знать, что так будет? Разве кто-нибудь из них мог это знать? Все началось как прекрасная сказка – такое могущество, такое величие! Сейчас, когда свет гас в ее глазах, она вспомнила, как ярко он сиял в один из тех далеких дней.

Часть первая

Возвращение домой

Глава 1

19 августа 1561 года от Рождества Христова

– Кто это? – прошептала одна из фрейлин, стоявших позади королевы Марии, когда их корабль подходил к порту Лейт.

Гвинет не могла точно определить, кто именно это сказал. Когда Мария, королева Шотландии, в детстве покидала родину, ее сопровождали четыре девочки-фрейлины, все они тоже носили имя Мария – Мери Сетон, Мери Флеминг, Мери Ливингстон и Мери Битон. Девушки очень нравились Гвинет, они были милы и очаровательны. Несмотря на то что у каждой были свои особенности, у них было и общее прозвище: всех четырех вместе называли Марии или Марии королевы. Иногда они казались одним целым – как сейчас, когда Гвинет не могла точно сказать, какая именно Мария говорила.

Фрейлины вместе с королевой стояли на палубе и смотрели на берег, где на причале скопилось уже много людей, с нетерпением ожидавших прихода их судна.

День был туманный, берег окутывала легкая дымка, и Гвинет казалось, что такая же поволока застилает красивые темные глаза королевы.

Гвинет думала, что королева не слышала вопроса, но та неожиданно ответила:

– Рован. Рован Грэм, лорд Лохрвен. Несколько месяцев назад он приезжал во Францию с моим сводным братом, лордом Джеймсом.

Гвинет расслышала имя. Рован Грэм считался одним из самых могущественных аристократов Шотландии. И кажется, с ним произошло что-то трагическое, но что именно, она не знала. Еще ей было известно, что он остер на язык и благодаря своему могуществу и политическому влиянию заставляет слушать себя даже сильных мира сего.

В одно мгновение она почувствовала, что этому человеку суждено войти в ее жизнь и часто оказываться на ее пути. Его было невозможно не заметить: он стоял рядом со сводным братом королевы лордом Джеймсом Стюартом, регентом Шотландии. Мария и сама была высокого роста, выше большинства служивших ей мужчин, но Рован Грэм был почти на голову выше ее брата – лорда Джеймса.

Туман, окутавший страну, почти не пропускал света, лишь немногие проникавшие сквозь него лучи солнца окрашивали соломенные волосы лорда Лохрвена в золотой цвет, превращая его в величественного князя, воинственного рыцаря, подобного древним викингам. Его одежда соответствовала цветам его клана – несколько оттенков синего и зеленого, и, хотя те, кто пришел встречать королеву, были одеты по моде, все глаза были устремлены лишь на него.

«Лохрвен – это в горах», – подумала Гвинет. В Шотландии горцы считались отдельным народом, так к ним относились все остальные жители страны. Гвинет знала Шотландию лучше, чем королева, и понимала, что лорд может быть опасным человеком. Она сама была родом из горного края и очень хорошо знала, как свирепы вожди горных кланов и как велика их власть. За Рованом Грэмом надо следить.

Нельзя сказать, что у королевы были причины бояться кого-либо в Шотландии: шотландцы сами попросили Марию вернуться домой. Но было еще нечто, о чем знала Гвинет, но не знала королева: ровно год назад протестантизм стал в Шотландии государственной религией. В

стране были фанатики – настойчивые и умевшие убеждать, например проповедник Джон Нокс из Эдинбурга. При таких обстоятельствах верность королевы католической вере могла стать для нее крайне опасной. Подумав об этом, Гвинет рассердилась: Мария собиралась разрешить своим подданным молиться Богу так, как они хотят. Разумеется, и сама королева тоже имела на это право.

– Дом, Шотландия, – пробормотала Мария, словно пытаясь мысленно соединить эти два понятия.

Ее слова прервали мысли Гвинет, и та с тревогой взглянула на свою государыню и подругу. Сама Гвинет была в восторге оттого, что вернулась домой. В отличие от многих придворных дам королевы Марии она мало прожила во Франции – всего один год. А Мария покинула родину маленьким ребенком: ей тогда еще не было и шести лет. Эта королева Шотландии была больше француженкой, чем шотландкой. Когда они уезжали из Франции, Мария долго стояла на корме корабля и со слезами на глазах повторяла: «Прощай, Франция».

На секунду Гвинет испытала обиду за свою страну. Она любила родину и была предана ей. Для нее не было ничего красивей, чем скалистые берега родной Шотландии, окрашенные в серые, зеленые и лиловые тона весной и летом, а зимой превращающиеся в белую сказку. Она любила грубо построенные замки: они были под стать крутым утесам, среди которых стояли. Но она убеждала себя, что несправедлива к Марии. Королева очень долго не была на родине. И нельзя забывать, что французы считают Шотландию варварской страной, где нет ничего, что может сравниться с изящной современной культурой их родины.

Марии едва исполнилось девятнадцать, а она уже вдова. Стюарт была королевой Франции, а стала правительницей страны, которой владела по праву рождения, но которую почти не знала.

Королева улыбнулась тем, кто ее окружал, и с преувеличенным весельем произнесла:

– Мы пробились сюда!

– Да. Несмотря на все мерзкие угрозы Елизаветы, – согласилась Мери Сетон.

Отплывая из Франции, они немного волновались из-за того, что королева Англии Елизавета ничего не ответила на просьбу пропустить их через ее владения. Многие во Франции и в Шотландии тогда боялись, что Елизавета намеревается устроить засаду и захватить в плен королеву Марию, свою родственницу. И в пути был один страшный момент, когда их заставили остановиться английские корабли. Но моряки тогда просто поприветствовали их и осмотрели суда, за исключением кораблей самой Марии, чтобы выяснить, нет ли на них людей, разыскиваемых за пиратство. Лорд Эглингтон был задержан и допрошен, но затем получил разрешение на проезд. В городе Тайнмуте у Марии конфисковали всех лошадей и мулов, но обещали вернуть их невредимыми, как только получают необходимые документы.

– Вот этот мне очень нравится. – Мери Сетон указала на рослого лорда Грэма.

Королева снова взглянула на берег, внимательно рассмотрела того, о ком шла речь, и сказала просто:

– Он не для тебя.

– Может быть, здесь есть еще такие, как он? – беспечно спросила Мери Ливингстон.

– Таких, как он, много, – произнесла Гвинет. Все повернулись в ее сторону, и она покраснела под пристальными взглядами. – Шотландия известна как родина лучших воинов в мире, – добавила она, недовольная собой за то, что в ее словах было слишком много старания защитить свою страну.

– Обещаю вам, что мы не будем воевать, – сказала королева Мария, продолжая смотреть на берег. Вдруг легкая дрожь пробежала по ее телу.

«Она дрожит не от холода», – подумала Гвинет. Леди Маклауд знала, что, по мнению Марии, Франция – гораздо более великая страна, чем Шотландия, где больше жизненных удобств, да и климат теплее. Многие считали Францию образцом для других стран в искусствах

и науках и полагали, что для шотландцев породниться через брак их королевы с таким могучим государством – благословение Божие. Во Франции Марию окружало все самое лучшее, и Гвинет опасалась, как бы королеву не разочаровало то, что сможет предложить ей родина.

Мария приветствовала людей на берегу сияющей улыбкой, и те ответили радостными криками. Хотя королева и ее свита прибыли раньше назначенного срока, проведя в море всего пять дней, встречать их собралось немало народа.

– Они пришли сюда ради любопытства, – шепнула Мария на ухо Гвинет, и в голосе королевы были слышны суховатые нотки недовольства.

– Нет, ваше величество, они пришли оказать почет своей королеве, – возразила Гвинет.

Мария лишь улыбнулась в ответ и стала махать рукой. Потом она с тем же сияющим видом сошла с корабля. На берегу ее первым приветствовал сводный брат Джеймс, а затем толпившиеся вокруг него придворные. Народ радостно выкрикивал приветствия. Может быть, эти люди и пришли сюда только ради любопытства, но теперь королева произвела на них то впечатление, которое и должна была произвести. Мария во Франции не забыла шотландский язык и говорила на нем свободно, без малейшего акцента. Звук ее голоса был ясным и чистым, и она не только была красивой – высокой, статной и стройной, – но и двигалась с поистине царственным изяществом и величием.

Гвинет стояла немного сзади королевы и лорда Джеймса. Белокурый великан лорд Рован проскользнул мимо нее, наклонился к лорду Джеймсу и шепнул ему на ухо:

– Пора ехать дальше. Ее приняли хорошо. Не будем ждать: вдруг настроение толпы изменится?

Когда он слегка отшатнулся, их с Гвинет взгляды встретились. Она знала, что на ее лице отразилось негодование. Однако ее гнев не испугал лорда, а скорее позабавил: его губы изогнулись в улыбке, и Гвинет рассердилась еще больше.

Мария Шотландская – хорошая королева. Это правда, что она молода и выросла во Франции, но с тех пор, как умер ее муж – не просто король, с которым ее соединили браком, а ее дорогой друг с детских лет, – Мария успела показать, что умеет крепко держать в своих руках государственные дела. Ее приводило в бешенство, что этот человек сомневался в Марии. Гвинет решила, что он думает как предатель.

Вскоре они уже сидели в седлах и были готовы ехать во дворец Холируд, где их ждали к обеду. А в это время комнаты королевы должны будут подготовить для жилья. Гвинет тихо вздохнула. Возвращение домой будет радостным. Люди станут собираться вокруг Марии. А пока Гвинет просто наслаждалась тем, что снова находится в родном краю – в своем настоящем доме. Хотя день был немного туманным, даже мрачным, серо-фиолетовое небо было такой же частью дикой красоты Шотландии, как ее суровые пейзажи.

– По крайней мере, здесь Марию, кажется, будут горячо любить и оказывать ей почет, – сказала одна из четырех Марий и печально прибавила: – Хотя это и не Франция.

Когда они проезжали через Лейт, у Гвинет по коже пробежал странный тревожный холодок, который напугал ее, так как возник без причины. Для волнения вроде бы нет никакого повода: когда королева проезжала мимо, люди так радостно приветствовали ее, что беспокоиться было не о чем.

– Почему вы хмуритесь?

Гвинет оглянулась и с изумлением увидела Рована Грэма. Он сначала проскакал вперед, а теперь ехал рядом с ней и поглядывал искоса с веселым любопытством.

– Я не хмрюсь, – ответила она.

– В самом деле? А то я подумал, будто вы настолько умны, что беспокоитесь за будущее, несмотря на весь этот радостный шум.

– Беспокоюсь за будущее? – гневно спросила она. – Почему я должна ожидать, что оно может плохо сложиться для королевы?

Лорд Рован смотрел вперед, и в его взгляде была странная смесь веселого любопытства и отстраненности.

– Королева-католичка неожиданно вернулась домой, чтобы править народом, который в прошлом году искренне принял протестантскую веру. – Он снова повернулся к Гвинет и спросил: – Это, конечно, и есть причина вашего беспокойства?

– Сводный брат королевы Марии лорд Джеймс заверил ее, что она сможет почитать Бога так, как пожелает, – ответила Гвинет.

– Да, заверил. – И Рован рассмеялся так громко, что Гвинет посчитала это грубостью.

– Вы считаете, что королева не имеет права чтить Бога? – спросила она и ласковым голосом добавила:

– Если так, то вам, может быть, лучше вернуться в горный край, милорд.

– Какая горячая верность!

– Такая же, как та, которую вы обязаны проявлять по отношению к своей королеве, – отрезала Гвинет.

– Сколько времени вы не были в Шотландии, леди Маклауд? – мягко спросил он в ответ.

– Один год.

– Тогда такие претензии с вашей стороны можно объяснить одним: вы или не так начитанны, или не так умны, как я полагал. Может быть, ваша молодая королева действительно заслуживает такой пламенной верности, но ей придется доказать это своему народу, ведь она так долго не жила здесь. Разве вы успели запомнить, какая здесь жизнь? Забыли, что в этой стране есть места, где государь или государыня и правительство ничего не значат, а люди верны в первую очередь своему клану? Когда нет войны, мы воюем между собой. Я верный человек, миледи, и горячо предан Шотландии. Молодая Мария – наша королева, и как королеве я не только буду верен ей, но и поддержу всеми силами, которыми буду располагать. Ей принадлежат мой меч и моя жизнь. Но если Мария желает иметь над страной настоящую королевскую власть, она должна узнать свой народ и сделать так, чтобы он полюбил ее. Потому что, если наши люди полюбят ее... никакая битва во имя королевы не покажется им слишком тяжелой. История доказала, что мы безрассудны и слишком охотно умираем за тех, кто страстно желает вести нас в бой. Такова ли Мария, покажет время.

Гвинет недоверчиво посмотрела на него. Слова Рована звучали героически, но в них слышалась и угроза – Гвинет это почувствовала.

– Манеры у вас, милорд, не как у горного пса, – заявила она, стараясь овладеть собой.

Он не потерял самообладания, только пожал плечами:

– Похоже, что за один год во Франции вы очень высоко вознеслись. Может быть, вы забыли, что ваш собственный отец был родом из горного края?

Что это – скрытый упрек? Отец Гвинет, лорд Маклауд, владелец острова Айлингтон, погиб на поле боя рядом с королем Яковом V, но оставил далеко не такое большое наследство, как этот король. Его крошечное владение – островок Айлингтон, расположенный сразу за грядой высоких холмов со скалистыми вершинами, – с трудом могло прокормить местных жителей. Не благодаря богатству ее послали во Францию служить королеве Марии: единственным наследством Гвинет было уважение к памяти ее отца.

– Я полагаю, что мой отец всегда был стойким и отважным – и вежливым *тоже*, – сообщила она лорду Ровану.

– Ах, какие слова – острые как кинжал, – вполголоса произнес он.

– Что с вами, лорд Рован? Сегодня такой радостный день. Молодая королева вернулась, чтобы вернуть себе страну, принадлежащую ей по праву рождения. Оглянитесь вокруг себя: народ счастлив.

– Действительно счастлив. Пока счастлив, – согласился Рован.

– Будьте осторожны: в ваших словах звучит намек, который другому слушателю может показаться предательским, – холодно произнесла она.

– Я имел в виду, – мягко пояснил он, – что эта Шотландия сильно отличается от той, из которой она уехала так давно, и даже от той, из которой уехали *вы*. Но если вы думаете, что я не вполне рад видеть шотландскую королеву здесь, вы ошибаетесь. Я желаю лишь одного – удержать Марию на троне. Я тоже считаю, что человек должен молиться Богу от всего сердца и так, как ему хочется. Я не придираюсь к тем мелочам, которые так сильно разделяют католическую церковь и народ нашей страны. Те, у кого есть власть и сила, определяют политику и толкуют слова, написанные на бумаге, но из-за этого простого правила очень часто умирают те, кто невиновен. Я говорю смело и откровенно: такая у меня привычка. Я всегда буду рядом, чтобы охранять Марию – даже от нее самой, если это понадобится. Вы, моя дорогая, молоды, и поэтому в вас много идеализма. Пусть же Бог сохранит и *вас*.

– Надеюсь, Он начнет с того, что поможет мне держаться в стороне от земляков-мужланов, – парировала она его доводы, высоко подняв подбородок.

– Как наш Создатель может не исполнить просьбу такой красивой и утонченной особы, как вы?

Гвинет ударила коленом свою лошадь и поспешила вперед. Дальше она ехала в первых рядах тех, кто сопровождал Марию, но держалась на расстоянии от лорда Рована. Она услышала за своей спиной его мягкий смех и вздрогнула: этот человек сумел бросить тень на торжество, которое ничто не должно было омрачить. Почему эти его тонкие намеки так сильно ее тревожат?

Она повернула лошадь и снова подъехала к нему. Верховая езда была одним из ее самых больших увлечений, и Гвинет не без удовольствия показала свое мастерство наездницы: развернула лошадь на месте, проехала расстояние, разделявшее ее и Рована, снова развернулась и поехала рядом с ним.

– Вы ничего не знаете, – горячо заявила она. – Вы не знаете Марию. Ее привезли во Францию и дали ей мужа, когда она была еще ребенком. И она была для мужа самым лучшим другом. Бедняжка король с самого начала был слаб здоровьем. Но Мария оставалась ему любящим и верным другом – и верной женой. В последние дни его жизни она ни разу не проявила слабости, хотя находиться в комнате больного было ужасно. Она ухаживала за ним до конца жизни, а потом с достоинством носила по нему траур. И когда мир вокруг нее менялся, она сохраняла спокойствие. Тогда дипломаты и придворные со всего мира приходили с ходатайствами и предложениями по поводу ее нового замужества. Она оценивала возможные варианты, *и в том числе лучших женихов Шотландии*, очень рассудительно и с полным пониманием искусства дипломатии, которое было необходимо ей в ее положении. Как вы посмели сомневаться в ней? – спросила Гвинет.

На этот раз Рован не засмеялся. Его взгляд стал мягче, и он сказал:

– Если она в состоянии заслужить такую горячую похвалу от такой женщины, как вы, миледи, то в ней действительно есть гораздо больше, чем внешнее очарование и благородство. Желаю вам, чтобы вы всегда и во всем были так же уверены, – мягко закончил он.

– Почему бы мне не быть уверенной? – спросила Гвинет.

– Потому, что ветер быстро меняется.

– А вы так же непостоянны, как ветер, лорд Рован?

Какое-то время он изучал ее ласковым, почти нежным взглядом, словно любопытного ребенка, с которым столкнулся, а потом произнес:

– Ветер начнет и согнет большие деревья в лесу – все равно, хочу я этого или нет. А когда начинается буря, лучше всего принять это во внимание. Дерево, которое не согнется, сломается.

– Это и есть главная трудность шотландцев, – заметила она.

– Вы тоже шотландка, – напомнил ей Рован.

– Да. И я слишком часто видела, как легко наши великие лорды поддерживают то одну, то другую точку зрения – в зависимости от того, кто им заплатит.

Рован смотрел вперед. Нравился он ей или нет, профиль у него был прекрасный – чисто выбритый волевой подбородок, высокие и широкие скулы, острые глаза и широкие брови. Может быть, такая внешность позволяла ему держаться так покровительственно, не боясь ответного наказания?

– Миледи, я знаю кое-что о своем народе. Шотландцы суеверны. Они верят в существование злых сил. Они верят в Бога – а значит, и в дьявола.

– А вы не верите?

Он снова взглянул на Гвинет:

– Я верю в Бога, потому что мне от этого легче на душе. А если существует добро, то, несомненно, должно существовать и зло. Но важно ли существу более великому, чем люди, – такому великому, как Бог, – верит человек в одно толкование Его слов или в другое? Боюсь, Он не шепчет свои мудрые истины прямо мне на ухо.

– Мне странно это слышать. По вашему поведению можно предположить, что как раз шепчет, – возразила она.

Он улыбнулся:

– Я видел много трагедий и несчастий: видел печальных старых женщин, которых приговаривали к костру как ведьм, и великих людей, которым выносили тот же приговор за их убеждения. Во что я верю? В согласие. И я предполагаю, что королева должна пойти на компромисс.

– Пойти на компромисс или согнуться? – спросила Гвинет, стараясь, чтобы жар ее гнева не был замечен в ее словах.

– Пойти на компромисс, – заверил ее Рован и на этот раз сам поехал вперед. Стоило ли дальше тратить мудрость на девушку из свиты королевы?

– Я расскажу о вас королеве, – пробормотала она себе под нос. Сомнения, которые этот человек посеял в ее уме, взволновали ее сильнее, чем ей хотелось бы. Шотландские бароны действительно были могущественными людьми, и Марии нужно было сохранить их верность.

День тянулся медленно, и постепенно Гвинет убедила себя, что лорд Рован – человек, за которым надо следить и которого надо остерегаться. Нет никаких причин ожидать чего-то иного, чем самое лучшее будущее, – и для Шотландии, и для ее королевы. И знатные люди, и простой народ пришли приветствовать королеву от всего сердца. Кажется, даже воздух был напоен надеждой и счастьем. А почему им не надеяться и не быть счастливыми? Мария предлагала им молодость в сочетании с мудростью, горячее желание быть дома и радость при виде своего народа – независимо от того, разрывалось ее сердце или нет.

Во мнении иностранцев о Шотландии была доля правды. Гвинет не считала, что ее любимая родина – варварская или грубая страна, но не могла отрицать, что природа в Шотландии суровая, дикая и часто опасная. Такими же могут быть и ее жители – знатные шотландцы.

Нет, это не Франция. Но эта страна может многое предложить своей очаровательной королеве.

* * *

Они продолжали путь в Эдинбург, и Рован с удовольствием видел, что народ вел себя вполне благоразумно, когда приветствовал королеву. Люди стояли рядами вдоль улиц, и многие были в маскарадных костюмах – использовали встречу монаршей особы как возможность повеселиться. Пятьдесят человек, одетых маврами, в тюрбанах и широких шароварах из желтой тафты, кланялись королеве и ее спутникам, словно предлагая им огромные богатства.

Четыре девушки, изображавшие добродетели, приветствовали королеву с напеком построенного помоста. Вдруг из толпы вышел ребенок и робко подарил королеве Марии Библию и псалтырь.

Перед прибытием Марии Стюарт шли горячие споры между лордами-протестантами. Несколько человек из их числа желали показать королеве сожжение куклы, изображающей католического священника. Но многие их собраты яростно воспротивились этому. Однако в пути участникам процессии несколько раз намекнули на то, что Шотландия больше не католическая страна. Горящие куклы, изображающие упомянутых в Библии сынов, которые поклонялись ложным идолам, и легкий намек в речи ребенка на то, что королеве следует принять религию ее страны, могли омрачить праздник. Но все это не высказывалось открыто, и королева могла делать вид, будто не замечает того, что ей, возможно, не нравилось. А праздничное настроение тех дней было, безусловно, искренним: люди охотно приветствовали возвращение домой такой красивой государыни.

Рован, внимательно наблюдавший за движением вокруг королевы, часто останавливал свой взгляд на ее фрейлине, леди Гвинет, которая не сводила глаз с королевы и тех, кто ее окружал. Эта молодая женщина была удивительно красива. Впрочем, все фрейлины королевы имели привлекательную внешность. Рован предположил, что королева, должно быть, может позволить это себе потому, что сама величава и очаровательна и не боится, что окружающие ее женщины затмят ее красотой. «Это характеризует ее с хорошей стороны», – подумал Рован.

Но что так сильно влечет его к леди Гвинет? Конечно, она красива, но это можно сказать о многих женщинах. Он понял: что-то очень волнующее было в ее словах и взгляде. В ней словно горел огонь – пламя такого же цвета, что и ее волосы, – не каштановые, но и не белокурые, с рыжеватым отливом. А цвет ее глаз – бурлящая смесь зеленой, коричневой и золотой красок. Она не такая высокая, как королева, но даже среди мужчин мало равных Марии по росту, и потому неудивительно, что фрейлины все гораздо ниже королевы. Все же рост у Гвинет не маленький, около пяти футов шести дюймов. Она заявила, что верна королеве, и сказала это с таким жаром. Девушка показала, что готова разумно отстаивать свою точку зрения и хорошо умеет говорить. У нее острый ум. Рован подумал, что если она презирает кого-то, то ее презрение режет как нож. Если ненавидит кого-то, то ненавидит яростно. А если она любит, то это такая сильная и глубокая любовь, в которой нельзя усомниться и которой невозможно не доверять.

Его сердце внезапно обожгла странная острая боль – странная потому, что он уже давно привык не думать о своей семейной трагедии. Он не может забыть прошлое и никогда настоящему не излечится.

Все же он не отказывал себе в плотских радостях, но давал себе волю только при благоприятном стечении обстоятельств – в подходящее время, в подходящем месте и с подходящей женщиной. Эту девушку из свиты королевы он никогда не сможет получить легко и поэтому... никогда не получит.

Он знал, что будет держаться от нее на расстоянии, и все-таки улыбался, вспоминая удовольствие, которое он получил от спора с ней. Она слишком забавная, эта девушка. Это большое искушение для него.

Внезапно их взгляды встретились, и Гвинет не покраснела и не отвела глаза. Вместо этого она вызывающе взглянула на Рована. Этот вызов можно было понять: он ведь посмел высказать свои сомнения по поводу возвращения королевы домой. А ее возвращение – он был вынужден признать – проходило прекрасно, по крайней мере до сих пор. Он первый отвел взгляд, удивился этому и, чтобы скрыть это, проехал вперед, ближе к Джеймсу Стюарту. Ближе к королеве Марии. Люди продолжали шумно приветствовать ее, но...

В Шотландии были фанатики, и бессмысленно было отрицать это. Поэтому он почувствовал облегчение, когда королева и ее спутники наконец доехали до дворца Холируд.

Может быть, внешнее спокойствие не будет обманчивым. И молодую королеву примут и полюбят, и даже будут чтить и обожать. Он не понимал, почему почувствовал страх в глубине души, когда настал день приезда Марии Стюарт. Лорд Джеймс, ее сводный брат, был, кажется, доволен, что его сестра едет домой. Рован уже видел ее, недолго, когда сопровождал Джеймса во Францию. У Марии были все качества, которые страна может желать видеть в своем монархе: элегантность, уравновешенность и тактичность. К тому же она была красива, а необычно высокий рост только делал ее внешность более внушительной. Рована немного беспокоило, что она прожила практически всю жизнь во Франции.

Он ничего не имел против французов. Постоянные насмешки французских аристократов над шотландцами он считал забавными и принимал их почти как похвалу. Да, природа Шотландии – это уединенные и суровые места. Разумеется, среди лордов Горной Шотландии есть такие, которым присуща не только вполне обоснованная гордость, но и свирепость. Шотландцы – не изнеженные модные кавалеры, они чаще сражаются на войне, чем бывают при дворе. Но их сердца сильны и верны, и Рован знал, что если его земляки поверили во что-то всем сердцем, то их преданность не имеет границ. Так они приняли протестантскую веру.

А королева – католичка.

Рован не упрекал ее за это. По правде говоря, он восхищался ее верностью. Она всю жизнь посещала католическую церковь. Она постоянна в своих верованиях. А Рован за свою жизнь видел слишком много жестокостей, совершенных во имя религии.

Королева Елизавета, сидевшая теперь на английском троне, сама была протестанткой. Однако она была благоразумной правительницей и нелегко подписывала смертные приговоры, но не боялась делать то, что должно быть сделано. Преодолевая препятствия, Елизавета создала государство, в котором никому не нужно умирать за то, чтобы молиться Богу по-своему.

Но здесь, в Шотландии, протестантская религия победила всего год назад, и Рован хорошо знал своих земляков: если они принимают что-то, то не знают в этом предела. И потому он не мог избавиться от страха перед будущим.

Когда они наконец приехали в Холируд, его тревожные предчувствия немного развеялись. Дворец был великолепен и находился за стенами города Эдинбурга. Он был окружен живописными лугами и прекрасными лесами. Первоначально Холируд был просто башней, но при отце королевы его достроили и украсили в стиле шотландского Возрождения. Значительную часть работ выполнили французские каменщики, приглашенные королем. Рован с гордостью подумал, что Холируд может сравниться со многими континентальными дворцами. И сам дворец, и аббатство рядом с ним семнадцать лет назад были сожжены англичанами, но с тех пор были полностью и с любовью восстановлены.

Когда они подъехали ко дворцу, Рован увидел лицо королевы Марии и с радостью заметил, что она явно довольна своим новым домом – отсюда ей предстоит править Шотландией. С момента своего приезда на родину она все время была тактичной, но Рован сам много лет играл в дипломатические игры и теперь знал, что ее восхищение при виде дворца было искренним.

Он заметил, что и Гвинет тоже с тревогой наблюдала за королевой, и его внимание переключилось с монархини на ее фрейлину.

Леди Гвинет – какая-то загадка. По ее словам и поведению ясно, что она серьезно относится к своей должности при дворе королевы. Похоже, она чувствует к Марии то, что считают драгоценностью даже короли и королевы, – истинную дружбу. Но при этом она явно не глупа. Леди Маклауд недолго пробыла за пределами своей страны, и при всей ее глубокой любви к Шотландии, разумеется, понимала, что эта страна может быть опасной, а королева, которая так долго не жила здесь, не могла этого осознать. Может быть, Гвинет чувствовала эти опасности сильнее, чем желала признаться даже себе самой.

Когда королева Мария и ее знатные спутники прибыли в Холируд, его управляющий и дворцовые слуги собрались во дворе. Служители, встречая королеву и ее свиту, выполняли

свои обязанности с некоторой робостью, потому что ожидали приветствия от новой хозяйки дворца. Мария не обманула их ожидания, а у Рована был еще один случай восхититься ее обаянием и характером: она обратилась к ним вежливо, даже ласково, но при этом оставалась королевой до кончиков ногтей. Лорд Джеймс взял на себя заботу о своей сестре, а остальным, менее знатным ее спутникам, предоставил возможность самим искать свои комнаты, из-за чего произошла небольшая суматоха. Рован слышал, как несколько французов из королевской свиты с облегчением шептались себе под нос, что дворец удивительно удобен, а вслух жаловались, что, к сожалению, в этой некультурной стране нет искусства, музыки и поэзии.

– Рован?

Он услышал, что кто-то по-приятельски произнес его имя, и обернулся на этот голос. Лорд Джеймс, стоявший рядом со своей сестрой, вопросительно смотрел в его сторону. Рован кивнул: он понял, что покои королевы будут в северо-западной башне и его просят помочь.

– Если хотите, я отведу придворных дам...

Он кивнул одной из экономок и повел фрейлин Марии в их комнаты. Идя впереди них, он слышал за спиной шепот и шушуканье на французском языке. Рован только покачал головой: как они могут не знать, что многие знатные шотландцы хорошо говорят по-французски. Он отлично понимал все, что они говорили между собой о его наряде и его ягодицах и о том, что может находиться под шерстяной тканью его килта.

Рована немного раздражала необходимость быть в обществе фрейлин. Его гораздо больше интересовало то, как Мария ведет себя со слугами и чиновниками. Он не был уверен, все ли знает даже Джеймс Стюарт об этих первых часах после приезда, когда королеву должным образом приветствуют и провожают в ее покои.

Когда он показывал молодым дамам, как роскошен этот дворец и где находятся комнаты королевы и их собственные, Марии кокетничали с ним. Это были милые, очаровательные девушки, веселые и полные жизни, но при этом – Рован это знал – такие же непорочные, как теперь их королева в своем вдовстве. Когда-нибудь они удачно выйдут замуж с одобрения своих семей, но сейчас они просто очень хотели повеселиться. Это было естественно в их возрасте, и Рован делал все возможное, чтобы вести себя с ними как любезный кавалер.

Но среди фрейлин была одна, которая не смеялась и явно не кокетничала, – леди Гвинет. Она просто шла за остальными и молча слушала, что они говорят.

Рован знал, она наблюдает за ним. Он мысленно улыбнулся, когда заметил это, хотя знал, что Гвинет остерегается его и не доверяет ему. Он был вполне уверен, ей совершенно все равно, что находится у него под килтом.

Он ей очень не нравится – или она думает, что не нравится.

– Вы довольны своими покоем? – наконец спросил он Гвинет после того, как показал девушкам дорогу к их комнатам. – Сможете ли вы найти дорогу к себе?

План дворца был сложный и коридоры длинные. Конечно, его нельзя было сравнить по размеру с самыми большими дворцами Франции. Но все-таки они только что въехали в новый дом, и нужно время, чтобы сориентироваться.

– Я думаю, мы прекрасно справимся сами, – заверила его Гвинет.

Он заметил, что она все время держалась немного в стороне от остальных женщин. Возможно, это было естественно. Она уехала с родины не маленькой девочкой, как остальные: у Шотландии долгие годы были прочные дружеские связи с Францией и многие сыновья и дочери знатных шотландцев учились во французских школах. Они были шотландцами по рождению, но уже почти французами по воспитанию и образу мыслей.

Сейчас Гвинет пристально смотрела на него, прищурив глаза, и на ее лице было написано сильнейшее недоверие. «И все же она необычайно хороша». Рован не мог не заметить этого. Она красиво говорит и, возможно, много читает. Несмотря на ее слова, Рован верил, она раз-

деляет его тревогу за безопасность королевы. Но кроме ума и острого как кинжал языка, в ней была какая-то наивность.

Он вежливо наклонил голову в знак понимания, что его поручение выполнено и ему пора уходить, отошел от Гвинет и широкими шагами поспешил обратно, торопясь вернуться к Джеймсу Стюарту и королеве. Но по пути он немного задержался и посмотрел в окно.

С этого места был хороший обзор, и он увидел огромное каменное здание Эдинбургского замка. Небо было таким же серым, как эти камни, недавно моросил дождь, и мощные бастии окутывал туман, который здесь тоже не был редкостью. У этого серого цвета был лиловатый оттенок, прекрасный для того, кому эти места были родным домом, но, может быть, предвещавший беду для тех, кто привык к голубому небу. Рован перевел взгляд на Королевскую Миллю – широкую улицу с магазинами, где продавались товары со всего мира. Да, Холируд – красивый дворец, а Эдинбург – замечательный город. Королева обязательно полюбит и эту страну, и этот город, и своих подданных, которые были так рады ее приезду.

Может быть, он слишком поспешно подумал о защите и для волнения нет причины. И все же... Он знал, что среди французской свиты королевы Марии много людей, которые насмеются над Шотландией. Они говорят, что она холодная и суровая, как твердые и грубые камни Эдинбургского замка. Французские магазины лучше, французские дворцы красивей, хотя Холируд создавали французские строители.

Рован заставил себя взглянуть на этот город чужими глазами. В сумрачном тревожном свете пасмурного дня замок выглядел грозной, зловещей крепостью. Даже люди казались такими же грубыми и неподатливыми, как камни.

Гранит против мрамора, шерсть против шелка.

Рован скрипнул зубами. Им просто нужно время. Время изменит молодую королеву и ее окружение так, как необходимо.

Связи, объединяющие Шотландию и Францию, – давние и прочные. И все же...

Союз не бывает основан только на дружбе. И шотландцы, и французы сражались против англичан, и эта общая вражда делала их союзниками, даже друзьями. Но часто дружба бывает только поверхностной, и тогда ее легко разрывают ради собственной выгоды.

Вопрос заключается в том, какие течения бурлят под поверхностью этого союза теперь, когда королева, воспитанная во Франции, вернулась домой?

Глава 2

«У меня совсем нет сил», – подумала Мария, бросаясь на кровать в своей комнате. Потом взглянула вверх, на потолок, и рассмеялась. На секунду она стала обычной молодой женщиной.

– Здесь и в самом деле чудесно, – сказала она, рассматривая комнату. Потом повернулась и взглянула на стоявшую рядом Гвинет.

Та безошибочно поняла, что королева скучает по Франции.

– Здесь великолепно, – заверила она Марию.

Мария снова опустилась на постель.

– Короны... – пробормотала она. – Они действительно тяжелы.

– Моя королева... – начала Гвинет.

Лежавшая на кровати Мария села и покачала головой:

– Прошу тебя, пожалуйста, сейчас не надо формальностей. Мы одни, и я должна тебе доверять. Ты не уезжала отсюда на такой долгий срок, как я, и ты не ищешь награды, не испытываешь меня, не взвешиваешь. Называй меня по имени, как будто мы только подруги. Ты ведь действительно мой друг, а сейчас мне нужны именно друзья.

– Мария, я думаю, ваш приезд сюда был вполне успешен. Шотландцы в восторге оттого, что их молодая прекрасная королева вернулась к ним.

Мария покачала головой.

– У них такой угрожающий вид.

– Они... – Гвинет замолчала, не зная, что на это ответить, потом пожала плечами и согласилась: – Да, они готовы угрожать. Это из-за Джона Нокса и из-за того, что они образовали свою собственную церковь.

– Ты права. Они не могут пойти по пути англичан – упаси их от этого Боже, но и верить по-прежнему тоже не хотят, поэтому должны иметь собственную церковь. – Мария вздохнула, затем хлопнула ладонью по обитой роскошной тканью кровати, приглашая Гвинет сесть рядом. Как только молодая фрейлина села, Мария горячо обняла ее. – Здесь холодно, ты почувствовала это?

– Здесь горит камин, – ответила Гвинет.

– Ты права. И скоро здесь будет тепло. Но все-таки это очень необычная страна. Во Франции, пока был жив мой муж, я чувствовала себя в безопасности, потому что я королева. А здесь... меня как будто испытывают, несмотря на то что я законная претендентка на престол. И это лишает мое окружение необходимой надежности.

– Вы должны помнить, что ваш брат, лорд Джеймс, был опорой королевской власти с тех пор, как умерла ваша мать. Прошло время, и жизнь изменилась. Но теперь и лорды, и духовенство собрались поздравить вас с возвращением домой. Вы должны помнить это. Все будет хорошо.

– Будет ли?

Мария встала, подошла к камину и протянула ладони к огню. На мгновение она показала одинокой, даже трагически одинокой.

– Если только... – Она распрямила плечи и резко повернулась. – Я только что приехала, мы все одеты в черное и серое в знак траура, а знаешь, что было на уме у этих высокородных лордов, которые приветствовали нас и сопровождали верхом до дворца?

– Что?

– Моя новая свадьба.

– Моя дорогая королева... – улыбнулась Гвинет.

– Подруга – сегодня здесь мы подруги.

– Мария, мне жаль говорить это, но я знаю ваше сердце и знаю, как велико ваше горе из-за смерти мужа. Но с той минуты, как король Франции умер, аристократы и монархи всего мира рассуждают о вашем новом браке. Вы королева, и ваши союзы, и личные, и политические, могут изменить ход истории. Эта правда горька для души, когда она болит, но так устроен наш мир.

– Я – товар, – тихо произнесла Мария.

– Вы – королева.

– Я знаю: ты права. Едва я похоронила мужа с положенным ему почетом, как тоже поняла, что мне нужно принять решение о моем будущем. Сегодня, когда мы сошли на берег, мне пришлось спросить себя, не совершила ли я большую ошибку. Ты знаешь, мне поступили предложения от католических королевских семей. Я боюсь, что любой мой шаг будет неправильным. Если бы я вышла замуж и породнилась с таким семейством, я бы восстановила Шотландию против себя. Но здесь сегодня я поняла, что на уме у этих людей. Они хотят, чтобы я выбрала в мужа одного из них – человека, который чтит все шотландское, в котором текла бы шотландская кровь. Такой муж устранил бы то, что они считают недостатками моего воспитания. Ох, Гвинет, что происходит с людьми? Как я могу не быть верна тому, чему меня учили всю жизнь? И как я могу предать мою веру?

– Никто и не ждет от вас неверности.

Мария покачала головой, и Гвинет печально подумала, что, вероятнее всего, Мария права.

– Они ждут от меня быстрых решений. Но я не переменчивая королева. Я буду чтить Бога и поклоняться Ему так, как считаю нужным. Однако... – Она отвернулась и опустила голову.

– Однако что? – спросила Гвинет с улыбкой.

– Ну... – Мария сделала глубокий вдох. – Я любила мужа, но он... никогда не был здоров.

– У вас не было любви, – прошептала Гвинет.

Мария повернулась и снова упала на постель.

– Я ужасная женщина? Я видела человека, который... ну, я только что овдовела, когда увидела его. И он даже мой дальний родственник. – Она озорно взглянула на девушку. – Он невероятно красив.

– Кто же он?

– Генри Стюарт, лорд Дарнли.

– А-а, – пробормотала Гвинет, глядя в сторону. Она подумала, что Мария заслужила немного настоящего счастья: королева всю жизнь делала то, что от нее ожидали, выполняла свои обязанности. Услышать ее восторженный шепот было так радостно!

Генри Стюарт, лорд Дарнли был внуком, а Мария – внучкой Маргариты Тюдор, сестры короля Англии Генриха VIII. Гвинет мало знала этого лорда, но много о нем слышала. Сейчас он жил в Англии, формально – как гость королевы Елизаветы, и по этой причине английская королева считала, что отец лорда Дарнли, шотландец, совершает грех, действуя против нее. Однако мать лорда Дарнли была графиней Англии, так что его нахождение там нельзя было назвать заточением.

Гвинет встречалась с лордом Дарнли всего раз, и то недолго. Он приносил соболезнования по поводу смерти короля Франциска. Генри Стюарт был действительно красив, как сказала Мария, и мог быть обаятельным. Но Гвинет знала, что другие знатные шотландцы, особенно многие горцы, не любят его. Его интересовали попойки, азартные игры и все виды разгула. В нем была и кровь Стюартов, и английская кровь. Но такое происхождение имели и многие знатные шотландские дворяне. Поэтому Гвинет взглянула на Марию с явным беспокойством, хотя и радостно. Мария истолковала этот взгляд не как выражение личного недовольства подруги этим мужчиной, который, видимо, привлекал ее чувственно.

– Не смотри на меня так! Почему я не могу радоваться, что увидела мужчину, который и приемлем для многих, и привлекателен? Не бойся, я не потеряла рассудок. Я в трауре и, несмотря ни на что, действительно очень любила Франциска, хотя это была... наверное, больше глубокая и нежная дружба, чем страсть. Я продолжаю соблюдать траур и не буду принимать поспешных решений. Я буду вести себя осторожно и слушать своих советников. Я все еще обдумываю переговоры с доном Карлосом Испанским и с другими иностранными принцами. Моя сила в том, на что я сделаю ставку. Я не забуду, что для меня даже больше, чем в большинстве случаев, свадьба – политический союз, а не вопрос любви.

– Мария, я знаю, вы поступите правильно, но, несомненно, должны позволить себе мечтать о том, что сделает вас счастливой, – сказала Гвинет.

Мария, такая высокая и изящная в своем отделанном мехом платье, взглянула на нее прекрасными темными глазами.

– Я боюсь, – прошептала королева. – Боюсь, что, как бы я ни старалась делать то, что правильно, не смогу дать счастье своему народу.

– Ох, Мария! Вы не должны так чувствовать. Возвращение на родину прошло благополучно. И вы будете чудесной королевой. Вы уже замечательная королева.

– Здесь все так... по-другому.

– Эти люди – ваш народ. Они любят вас.

– Они такие... – Мария помолчала, потом улыбнулась и договорила: – Шотландские.

– Это правда, здесь не Франция. Но, Мария, это чудесная страна, в которой живут очень хорошие люди. Куда смотрят жители других стран, когда им нужна военная помощь? Они за большое вознаграждение нанимают шотландцев, чтобы те сражались в их битвах. Это потому, что мы свирепы, сильны и верны.

– Но я хочу мира.

– Конечно, хотите. Но мира часто добиваются с помощью... силы.

– Не в Шотландии.

– Ах, Мария. Не всегда это так. Вспомните прошлое. Мы независимы благодаря решимости и мужеству таких людей, как Вильям Уоллес и ваш предок Роберт Брюс. Шотландцы не только воины, но и поэты, ученые. Они учатся в школах других стран и узнают мир за пределами своей страны. Вам нужно только полюбить шотландцев, и они полюбят вас.

Мария тихо вздохнула:

– Я молюсь... да, я молюсь, чтобы было так. И спасибо тебе, мой друг. Мои четыре Марии – самые дорогие подруги, но они не знают эту страну так, как знаешь ты. Они, как и я, слишком давно не были здесь. Сегодня мне очень нужны твои дружба и понимание, и ты не разочаровала меня.

– Мария, любой, кто знаком с вами, знает, что у вас великое сердце, что вы и добры, и мудры. Я вам не нужна. Вам нужна только вера в себя и желание понять ваш народ.

– Я хочу постараться это сделать, потому что хочу быть великой королевой. – Мария помолчала, сомневаясь, продолжать ли, но потом договорила вполголоса: – Даже более великой, чем моя кузина, которая сидит на английском троне.

Струя холода пробежала у Гвинет по спине. Елизавета Английская уже проявляла себя как очень сильная правительница. Она была на десять лет старше Марии и находилась на английском троне несколько лет. И в политике она была противницей Марии, потому что после смерти Марии Тюдор королевская семья Франции объявила Марию Стюарт королевой не только Шотландии и Франции, но также Англии и Ирландии, считая, что Елизавета – внебрачная дочь своего отца, короля Генриха, а потому не имеет права царствовать.

Политика могла быть очень опасной игрой. Гвинет знала, что Мария не желала свергать кузину с трона, но она хранила верность своей религии. И было совершенно ясно, что англичане не желали никакого другого правителя, кроме своей королевы. Они не хотели иметь

ничего общего с королевой-католичкой, и в этом был зародыш возможной или даже неизбежной вражды.

Войны с Англией в течение многих столетий разрывали Шотландию на части. Никто из шотландцев не хотел, чтобы англичане снова заставили их проливать кровь, но каждый союз, заключавшийся тогда между государствами, вонзался, словно кинжал, в сердце какого-нибудь народа. Англичане настороженно следили за дружбой Шотландии с Францией, а испанцы наблюдали за ними обоими, поэтому шотландцы с французами, в свою очередь, приглядывались к испанцам. Все эти соображения имели значение для будущего замужества Марии. Она могла дать шотландцам союзника – или, наоборот, множество врагов.

Мария словно прочла мысли Гвинет и мягко произнесла:

– Я думаю, лучше всего мне со временем найти себе мужа в этом королевстве. А он хорош собой, правда?

– Кто?

– Лорд Дарнли.

– Он? Да.

Глаза Марии сузились, в них появилось веселое любопытство.

– По-моему, ты думаешь, что кто-то другой тоже красив? И кажется, я знаю кто.

– Кто же?

– Лорд Рован.

Гвинет вздрогнула и почувствовала, как ее позвоночник теряет гибкость.

– Он очень грубый.

– Это не грубость, а прямота. Ты же сама учишь меня быть такой, как мой народ, значит, должна понимать, что такой знатный шотландец, умелый и в бою, и в политике, говорит обо всем прямо. Он – образец шотландского дворянина.

– В таком случае почему же вы сами не обратили внимания на лорда Рована?

– Ты шутишь или нет?

– Я вовсе не шучу, – нахмурилась Гвинет.

– Ну, если так, то, похоже, слухи о нем не так широко распространились, как можно было ожидать, – рассмеялась Мария.

– О чем вы говорите, Мария? Объясните, пожалуйста!

– Ты ведь знаешь: у моего отца было тринадцать внебрачных детей, которых он признал своими. Некоторые из них – просто чудесные люди. Например, мой дорогой брат Джеймс, – произнесла королева, и Гвинет показалось, что она услышала в ее голосе немного горечи.

Одно время говорили о том, что Джеймса Стюарта надо признать законным сыном, но этого так и не произошло.

Складка на лбу Гвинет стала еще глубже.

– Разве он один из внебрачных детей вашего отца? – недоверчиво спросила она.

Мария усмехнулась в ответ и пояснила:

– Нет, сын одного, точнее, одной из его внебрачных дочерей. Мать лорда Рована была первым ребенком одной из первых возлюбленных моего отца.

– Это правда или только слух? – спросила Гвинет.

– Не волнуйся так из-за этого, дорогая подруга, иначе у тебя на лбу будут ужасные морщины. Уверяю тебя, у лорда Рована вполне приемлемая родословная. Но посчитать собственного племянника привлекательным мужчиной – это совсем другое дело. К тому же он женат.

– Ох! – пробормотала Гвинет.

– Да, и это очень печально. Он женат на леди Кэтрин Бречмен.

– На дочери лорда Бречмена. Но его земли – они же в Англии, – сказала Гвинет, понимая, что сейчас услышит правду о таинственном и трагическом прошлом лорда Рована.

– Да. Как же вышло, что я все это знаю, а ты нет? – спросила Мария, которая, казалось, была довольна, что может поделиться с подругой тем, что знает сама. – Должно быть, дело в том, что я за последние месяцы очень часто встречалась со своим братом Джеймсом. Наверное, он рассказал мне эту ужасно печальную историю. Они были безумно влюблены друг в друга, и Рован отважно явился к отцу Кэтрин просить ее руки. Мой брат Джеймс и королева Елизавета дали разрешение на этот брак. Молодая жена сразу же зачала ребенка. Но незадолго до того, как он должен был родиться, она разбилась, когда ехала в карете, во владениях своего отца, очень тяжело пострадала, и у нее началась сильнейшая горячка. Ребенок не выжил. Леди Кэтрин с тех пор повредила рассудком да так и не окрепла телом. Теперь она совершенно больна и живет в замке лорда Рована в горном краю. Там за ней ухаживают сиделка и управляющий лорда, люди добрые и верные. Она очень слаба и, вероятнее всего, скоро сойдет в могилу.

Гвинет молча смотрела перед собой.

Мария грустно улыбнулась:

– Закрой рот, моя дорогая.

– Я... я... как это печально.

– Да, – согласилась Мария и, внимательно глядя на нее, добавила: – Не влюбляйся в него!

– Влюбиться в него? Он... неотесанный мужлан.

Мария улыбнулась:

– Я это вижу. Но хотя тебе это, может быть, не интересно, я должна сказать, что он больше не живет со своей женой. Жить с ней было бы жестоко с его стороны, потому что у нее теперь ум как у маленького ребенка. И он в этом положении ведет себя, можно сказать, с достоинством.

– С достоинством?

– Конечно, я знаю это только со слов Джеймса, но говорят, что лорд Рован не живет как монах, правда, его любовные увлечения... скрыты от посторонних глаз, и он сходится с женщинами, которым это не может причинить вреда. А я никогда не захочу, чтобы тебе причинили вред, моя дорогая подруга, – серьезно сказала Мария.

– Вам не нужно волноваться, – заверила ее Гвинет. – И никогда не будет нужно. Я не намерена влюбляться. Любовь делает нас всех глупыми и опасными. А если бы даже я оказалась такой идиоткой, что влюбилась, то не выбрала бы дикого горца вроде лорда Рована.

Мария, глядевшая на огонь, отрешенно улыбнулась и ответила:

– В этом и есть разница между нами. Как я хочу влюбиться, чтобы узнать такую сильную страсть!.. Ну, хватит. Для меня замужество – это сделка. И все-таки – узнать бы когда-нибудь такую любовь...

– Мария, – неуверенно пробормотала Гвинет.

– Не волнуйся, дорогая подруга. Когда я снова буду выходить замуж, не забуду про свои обязательства перед моим народом. И все-таки даже королева может мечтать. – Она помахала Гвинет рукой, давая понять, что отпускает ее. – Сегодня был длинный трудный день. И впереди у нас еще много таких дней.

Королева ясно дала ей понять, что пора спать, и Гвинет поспешно направилась к двери.

– Доброй ночи, моя госпожа...

– Гвинет...

– Я ухожу, и теперь вы – моя королева.

– Но ты остаешься моей подругой, – заверила Мария.

Гвинет наклонила голову, улыбнулась и вышла. Ей очень хотелось как можно скорее добраться до своей постели в этом огромном шотландском дворце, который стал ее домом. Торопливо идя по длинному залу в свою комнату, она услышала голоса и замерла на месте, понимая, что случайно слышит разговор, происходящий в одной из малых комнат, которые были предназначены для государственных дел.

– Больше ничего нельзя сделать. Вы не можете взять назад свое слово. – Это произнес низкий мужественный голос, который легко было узнать. Голос лорда Рована Грэма.

– Мы напрашиваемся на неприятности. – Голос второго собеседника она узнала так же легко. Это был Джеймс Стюарт. Действительно ли брат королевы – друг своей сестры? Или он тайно мечтает сам носить корону и считает, что ее должны были надеть на его голову?

– Может быть, и так, но другого выхода нет. Мы можем лишь надеяться, что твердая решимость королевы не допустить преследований за веру окажется сильнее.

– Раз так, то, как вы уже сказали, мы должны быть готовы.

– Да, и постоянно.

* * *

Внезапно дверь открылась, и ошеломленная Гвинет увидела выходявшего из комнаты лорда Рована. Он застал ее здесь, в зале! Любопытней, что она подслушивала! Рован смотрел на нее суровым, пристальным взглядом, а она только моргала ресницами и старалась проглотить комочек в горле.

– Я... заблудилась, – наконец выговорила она.

– В самом деле? – усомнился он.

– Это правда! – гневно ответила она.

Он хмуро улыбнулся, словно услышал что-то забавное:

– Комнаты придворных дам вон там. Вы должны были бы повернуть в ту сторону – конечно, если искали именно свою постель.

– А что еще я могла здесь искать?

– Что еще? – повторил он и насмешливо поклонился, но ничего не ответил, а просто повернулся и ушел.

Гвинет испугалась и очень рассердилась, что он так легко отпустил ее.

– *Господи, почему?*

Лорд Рован был ей почти противен. Конечно, ей было жаль жену этого несчастного человека, но, похоже, он вел не слишком праведную жизнь, к тому же был грубым и раздражал ее. Он слишком много о себе мнил, и...

У нее больше нет сил. Она идет спать в свою постель, она вполне заслужила сон. А о нем она больше вообще не будет думать.

Ее комната была маленькой, но предназначалась для нее одной. Это было не так уж важно. Во время поездок с королевой по Франции Гвинет иногда имела отдельную комнату только для себя, а иногда спала в общей постели с кем-то из Марий. Тогда девушки много веселились, потому что любили передразнивать почтенных князей и дипломатов, с которыми встречались. Как и королева, они любили танцы и азартные игры и, конечно, очень любили музыку. Они пробыли вместе так долго, что стали почти одной семьей, и были так добры, что принимали в эту семью Гвинет. И все же она понимала, что никогда не войдет в их круг полностью.

«Здесь, в Холируде, я буду спать одна», – подумала она, осматривая свой новый дом. У нее было крошечное окно и даже маленький камин. Горевший в нем огонь освещал окно, и Гвинет увидела, что это был витраж: тени от языков пламени играли на изображении голубки, сидящей на дереве. Под этим рисунком был изображен герб Стюартов, цвета которого ярко выделялись в полумраке комнаты.

Гвинет решила, что в Шотландии, у себя дома, она будет рада жить без соседок. Марии многое забыли о Шотландии. Она любила их и не хотела лишиться их дружбы, но не могла слушать, как ее родину будут постоянно сравнивать с Францией – и, конечно, в пользу последней.

Если она рассердится на кого-то, то сможет прийти сюда и накричаться в подушку.

Если ей надо будет подумать, она сможет побыть здесь одна.

Если ей будет нужно спрятаться...

«От кого я собираюсь прятаться?» – насмешливо спросила она себя.

Это не важно. Важно то, что эта чудесная маленькая комната – ее личное, священное место.

Матрас был удобный, подушка пышная и очень легкая. Рядом с камином она увидела узкую дверцу. Открыв ее, Гвинет поняла, что у нее есть даже собственная уборная. Восхитительно!

В общем, хорошо быть дома!

Гвинет бережно сняла свою дорожную одежду и сложила в сундук: комната была так мала, что в ней нельзя было оставлять разбросанные вещи. В ночной сорочке из мягкой шерсти молодой фрейлине было тепло и удобно. Она была совершенно без сил и все же, когда наконец легла в свою постель, очень уютную и теплую, долго не могла уснуть.

Она думала о лорде Роване.

Эти беспокойные мысли были прерваны стуком, который донесся со двора.

Гвинет мгновенно прыгнула с кровати, словно обожглась. Ее вдруг охватил такой страх за королеву, что она, забыв в панике про обувь и платье, выскочила в коридор. А тем временем шум внизу нарастал. Она услышала нестройный хор скрипящих и визгливых звуков, а потом – голоса.

Вместе с другими обитателями дворца, которых разбудил этот шум, она помчалась вниз, где были комнаты Марии. Дверь в зал по-прежнему была распахнута. Гвинет, фрейлины и охранники вбежали туда и увидели, что королева не спит. Она стояла у одного из окон и смотрела вниз.

– Все в порядке, – успокоила их королева, подняв руку в знак приветствия, и улыбнулась тем, кто, едва не сбивая друг друга с ног, так быстро мчались в ее спальню. – Это серенада в мою честь: мои подданные приветствуют меня! Слушайте! – весело воскликнула она. Мария была бледна и очень устала, но все же продолжала приветливо улыбаться.

– О боже! – воскликнул по-французски Пьер де Брантом, один из французов, входивших в свиту Марии. – Это не серенада. Это вопль тысячи кошек, на которых кто-то наступил. – Он нахмурился и взмахнул рукой, выражая таким образом свое недовольство.

– Это волюнки, – сердито заметила Гвинет. – Если вы прислушаетесь, то поймете, что звук у них красивый.

– Я уже слышал их раньше, – обиделся Брантом. Сощутив глаза, он недовольно посмотрел на Гвинет, словно напоминая молодой фрейлине, что страна, где она выросла, с его точки зрения, – непросвещенная, глухая провинция.

– В их звуке есть своя прелесть. И Мария, королева шотландцев, несомненно, чувствует ее, – заверила его Гвинет. Она никак не могла понять, какое место занимает Пьер де Брантом при королеве, хотя сам он считал себя дипломатом и придворным. Гвинет он был не по душе: на ее взгляд, он чересчур саркастично обо всем отзывался. Но он действительно любил Марию Стюарт, и Гвинет решила, что за это его нужно терпеть.

– Да, я люблю звук волюнок, – признала Мария. – Мой дорогой Пьер, вы должны развить в себе вкус к этому роду музыки.

– Нет сомнения, что они звучат громко, – сухо отозвался Брантом.

По крайней мере, это было правдой. Казалось, что во дворе стоят не меньше ста человек и что вопли волюнок смешиваются с голосами поющего во все горло хора.

Мария явно устала, и было видно, что она делает над собой усилие, чтобы вести себя достойно, как подобает королеве.

– Как это мило, – просто сказала она.

И они все слушали этот импровизированный концерт, пока он не закончился. Французы, служившие королеве, при этом все время что-то ворчали себе под нос. Потом все домочадцы, смеясь и весело болтая, медленно вернулись в свои покои.

Гвинет последней пожелала Марии спокойной ночи и на этот раз без проблем нашла дорогу в свою комнату.

Снова оказавшись в постели, она наконец уснула, но во сне видела, как несчастная сумасшедшая жена лорда Рована поет что-то под жалобные стоны волынки, а ее лорд, больше не возлюбленный, а только хранитель, стоит в отдалении.

«Не влюбись в него», – предупредила ее Мария.

Какая нелепость.

Разве что она перестанет чувствовать к нему отвращение, если сможет.

Глава 3

В первые дни после приезда в Шотландию Гвинет с облегчением осознала, что мрачные предчувствия, терзавшие ее, были нелепостью. Шотландцы явно любили свою королеву.

Французы из их круга и те шотландцы, которые так долго прожили во Франции, что, кажется, стали считать себя французами, постепенно переставали жаловаться. Холируд был не просто прекрасным дворцом: здесь жили служители, которые охотно выполняли желания своей молодой королевы, всегда доброй к тем, кто ее окружал. Лес вокруг дворца был густым и диким, и вскоре придворные полюбили ездить сюда верхом. А из окон дворца открывалось еще одно впечатляющее зрелище – вид на Эдинбургский замок, стоящий высоко на скалистой вершине холма. Вид этой мощной каменной крепости подействовал даже на тех, кто был не слишком рад уехать из Франции.

Однажды Гвинет отвела четырех Марий за покупками на Королевскую Милю, и они заявили, что у шотландской столицы есть свое, совершенно особое очарование.

Казалось, что все идет хорошо.

А потом наступило первое воскресенье, когда нужно было идти в церковь на службу.

Гвинет, хотя и была протестанткой, поклялась, что будет стоять на мессе рядом с королевой, если они обе будут находиться в Шотландии, чтобы поддержать выбор Марии, а затем пойдет слушать еще и протестантскую службу. И вот сейчас королева приготовилась идти в церковь. Лорд Стюарт заверил ее, что она сможет слушать мессу здесь так же, как во Франции.

Мать Марии, француженка, была набожной католичкой, а когда сама Мария в раннем детстве покинула Шотландию, волна всеобщего протеста против католицизма еще не поднялась.

Гвинет успела достаточно узнать о Джеймсе Стюарте, который сам принадлежал к шотландской реформаторской церкви, и верила, что он намерен выполнить обязательство, данное Марии. Он был по натуре суровым и неуступчивым шотландцем, но молодая фрейлина не имела никаких оснований сомневаться, что он сдержит слово. Возможно, в глубине своего сердца он чувствовал, что сам должен был бы носить корону, но, хотя и склонился перед шотландской церковью, был во многом похож на Марию. Как и его сестра-королева, он ненавидел насилие по религиозным причинам и теперь доказывал это делом.

Около маленькой домашней часовни, стоявшей перед дворцом, собралась гудящая, угрожающая толпа. Священник, который должен был служить мессу, дрожал и боялся идти к алтарю. Служки, которые несли свечи, были в ужасе. Люди из толпы схватили их, чтобы сорвать мессу, и от этого им стало еще страшней.

Со двора были слышны крики:

- Убейте священника!
- Мы что, снова должны терпеть поклонение идолам?
- Милостивый Боже! – умолял о помощи священник, выкатив глаза от страха.

Тогда Джеймс Стюарт в сопровождении Рована Грэма, внушавшего почтение высоким ростом и широкими плечами, впился суровым взглядом в тех, кто собрался во дворе, и громко крикнул:

- Я дал слово!
- Вы должны соблюдать обещание, данное вашей королеве, – объявил Рован.
- Ты не с ними! Ты не папист! – крикнул кто-то.
- Королева Мария объявила, что никого не будет преследовать за веру. Как человеку молиться, касается только Бога и самого человека, – резко ответил Рован. – Или вы хотите, чтобы здесь горели гнусные костры, как было в Англии, когда там по королевскому капризу господствовала ересь?

Толпа продолжала ворчать, но уступила, и королева со своей свитой в сопровождении Джеймса, Рована и отряда верных им солдат вошла в часовню.

Священник дрожал во время всей мессы и говорил очень быстро, поэтому Гвинет показалось, что служба шла всего несколько минут.

Мария явно была потрясена, но нашла в себе силы помахать рукой народу и пройти обратно в свои покои. Когда она вернулась к себе, Джеймс разогнал толпу, собравшуюся во дворе.

Гвинет ожидала, что эти события вызовут у королевы большую тревогу, но та, к удивлению молодой фрейлины, не унывала. Когда все придворные дамы сидели вместе с королевой в ее покоях, Мария сказала им:

– Эти люди скоро поймут, что я не потерплю насилия ни против католиков, ни против тех, кто выбрал другую веру.

Придворные дамы королевы много времени проводили за вышивкой, и Мария тоже любила это рукоделие. Но она также жадно читала книги, причем на многих языках. В этот день она оторвала взгляд от тома стихов испанского поэта, который держала в руках, и гневно воскликнула:

– Это Нокс! – и взглянула на Гвинет. Потом добавила: – Он само воплощение фанатизма и жестокости.

В комнате наступила тишина. На одно мгновение Гвинет показалось, что королева смотрит на нее почти с осуждением. Как будто оттого, что она была лучше знакома с последними событиями в Шотландии, она каким-то образом могла предотвратить утренние неприятности.

Гвинет глубоко вздохнула. Она знала, что Мария могла иметь намерение грубо обойтись с Джоном Ноксом или даже наказать его. Но если королева поведет себя так, то не только будет противоречить своему собственному заявлению, что она против преследований по религиозным причинам, но и может подтолкнуть свой народ к восстанию против нее. Гвинет покачала головой, и на ее губах появилась печальная улыбка. Мария не хочет быть ни грубой, ни жестокой; ей только нужно понять этого человека. Гвинет вдруг подумала, что королева хочет вступить с Ноксом в спор.

– Моя королева... Джон Нокс много путешествовал и много читал. Но, несмотря на это, он придерживается мнения, что женщины по природе ниже мужчин.

– Хотя мы нужны мужчинам, разве нет? – сказала Мери Ливингстон и с нежной и лукавой улыбкой окинула взглядом трех других Марий – Флеминг, Сетон и Битон, а также Гвинет.

Гвинет ответила ей ласковой улыбкой, но оглянулась на королеву и серьезно произнесла:

– Здесь большинство мужчин считают, что женщины ниже их по природе, но охотно признают власть королевы, как, если хотите, необходимое зло. Они также считают, что правителей, которые им не подходят, нужно свергать или... убивать. Нокс – прекрасный оратор, в его словах много огня. Новая церковь сначала овладела народом, но это Нокс добился, чтобы ее приняло и дворянство. Нет сомнения, что именно благодаря его влиянию год назад была официально создана шотландская церковь. Он умный человек, но религиозный фанатик. Вы должны... остерегаться его.

– Я должна встретиться с ним, – возразила Мария.

Гвинет хотела было запротестовать, но что можно было сделать? Если Мария твердо решалась на что-то, ей никто не смел перечить.

Но Мария никогда не слышала, как говорит Нокс. А Гвинет слышала.

* * *

Рован сопровождал лорда Джеймса Стюарта в тот день, когда Джону Ноксу была назначена аудиенция у королевы. Священника встретили приветствием и провели в приемный зал

для встречи с королевой. Рован не удивился, что при Марии была только одна ее фрейлина – леди Гвинет Маклауд с острова Айлингтон. Он догадался, что Гвинет успела услышать, как Нокс говорит перед людьми. Притом, хотя многие дамы королевы и были шотландками по рождению, из всех ее ближайших друзей только Гвинет знала по собственному опыту о том, как настроены шотландцы в последнее время.

Как бы сегодня не грянул гром: Нокс страшный человек. И фанатики тоже очень опасны.

Джону Ноксу еще не было и пятидесяти. Взгляд у него был пристальный и пронзительный. Этот священник большой приходской церкви в Эдинбурге имел огромную власть над людьми. Однако он вел себя достаточно вежливо, соблюдая все правила приличия при встрече с королевой, а та в ответ сердечно приветствовала его и сказала, что они могут поговорить наедине. Тогда ее брат Джеймс, Рован и Гвинет заняли места на стульях ближе к огню, на некотором расстоянии от собеседников, так, чтобы можно было наблюдать за ними, но нельзя было вмешаться в разговор.

– Скверная стоит погода, верно? – добродушно обратился лорд Джеймс к Гвинет, когда они заняли предназначенные им места.

– Да, кажется, осень мстит нам за что-то, – ответила Гвинет.

Джеймс улыбнулся, но Рован не рискнул произнести ни слова, только внимательно наблюдал за молодой фрейлиной. На самом же деле все они внимательно прислушивались к разговору, который вела королева, хотя и делали вид, будто ведут свой, отдельный разговор.

Вначале все, казалось, шло хорошо. Нокс был вежлив, хотя и резок, а Мария твердо заявила, что не намерена вредить шотландской церкви. Затем Нокс начал излагать свои взгляды. И при этом шел напрямик, не проявляя никакой гибкости.

Мария хотела предоставить людям возможность выбирать, какую веру исповедовать, а Нокс горячо верил, что существует только одна истинная вера. Он настойчиво твердил: раз королева католичка, постоянно существует опасность, что католики восстанут, а иностранные католические правители со своими армиями попытаются навязать шотландцам свою веру.

– Одна месса пугает меня больше, чем десять тысяч вооруженных врагов, – парировал Нокс тоном борца за истину.

Мария снова попыталась прибегнуть к доводам разума:

– Я не угрожаю тому, что уже создано. Разве вы не видите, что я училась у великих ученых, знаю Библию, знаю моего Бога?

– Эти ученые заблуждались и вели вас по неверному пути.

– Но многие весьма ученые люди видят созданный Богом мир не таким, каким его видите вы, – запротестовала Мария.

И разговор снова стал двигаться по кругу.

– Люди имеют право восстать против государя, который не видит свет Божий, – заявил Нокс.

– Я совершенно уверена, что это не так. Я избрана Богом, чтобы быть вашей королевой, – резко ответила Мария.

– Нельзя, чтобы на троне находилось такое хрупкое создание, как женщина. Это случайное стечение обстоятельств и ничего более, как воля случая, – ответил Нокс.

– Дорогой мой, меня вряд ли можно назвать хрупкой: я намного выше вас, – возразила Мария.

Их голоса снова стали тише.

Рован с изумлением увидел, что Гвинет улыбается, скосил глаз в ее сторону и вопросительно поднял бровь.

– Ей это нравится, – пояснила Гвинет.

Даже Джеймс был горд своей сестрой и сказал:

– У нее глубокий ум, и она умеет сражаться словами.

Рован кивнул, чувствуя, что Гвинет смотрит на него.

– Да, королева хорошо защищается. Однако Нокс не остановится и не согнется.

Когда он произносил эти слова, все трое услышали голос Марии, который опять стал громче.

Гвинет встревожилась и хотела встать. Увидев это, Рован едва заметно покачал головой. К его изумлению, она потеряла уверенность и снова села.

Нокс продолжал уверять Марию, что, несмотря на свои дурные предчувствия, будет терпеть ее власть, как апостол Павел – власть императора Нерона. Он жаловался, что ей не хватает знаний, поскольку именно их недостаток делает ее такой упрямой. Королева же заверила его, что прочла очень много книг.

В конце концов беседа зашла в тупик.

Но когда все в комнате встали, Рован был уверен, что Мария много узнала о Ноксе, а Нокс научился по-новому уважать якобы низшее существо, которому случилось стать его королевой.

Когда Нокс ушел, Мария повернулась к ним и воскликнула:

– Какой отвратительный коротышка!

– Ваша милость, я пыталась рассказать вам... – начала Гвинет.

– Мне, по сути, было приятно спорить с ним, – прервала ее Мария. – Хотя он упрям как бык и стоит на ложном пути. Джеймс, – обратилась она к брату, – неужели же он не видит, что я не хочу ему вреда? Я хочу править, уважая свой народ, и буду с почтением относиться к шотландской церкви.

Джеймс вздохнул, не зная, что сказать. За него ответил Рован:

– Ваша милость, такие люди, как Нокс, – это фанатики. По их мнению, душу ведет к спасению лишь один путь, а вы не идете по этому пути.

– И не пойду!

Рован почтительно склонил голову.

Мария взглянула на Гвинет:

– Я не смогла ответить ему доводом на довод.

– Смогли.

Мария широко улыбнулась и заявила:

– А теперь мы отправимся на охоту.

– На охоту? – переспросил совершенно сбитый с толку Джеймс.

– Мой дорогой брат, есть время упорно работать и есть время забавляться.

Глаза Джеймса едва не вылезли из орбит.

– Не будь таким суровым, – приказала Мария. – Если бы не было охоты, что бы мы ели, кроме баранины и говядины? Сегодня я невыносимо хочу скакать верхом, охотиться.

– Я прослежу за приготовлениями, – пообещала Гвинет. – Должна ли я позвать ваших фрейлин и благородных французских придворных кавалеров?

– Нет, сегодня будет малая охота. Мы возьмем с собой мяса, сыра и вина и прекрасно пообедаем на свежем воздухе.

Джеймс по-прежнему смотрел на нее.

– Мария, сегодня нам надо заняться важными делами. Нужно еще раз пересмотреть договор с Елизаветой, который вы отказались подписать.

– Дело в том, что Елизавета по-прежнему отказывается признать меня своей наследницей, – сообщила ему Мария, и в ее голосе зазвучали резкие ноты. – Мне действительно нужно решить много серьезных дел – и я уделю каждому из них все свое внимание. Я буду той королевой, которую вы желаете видеть на троне, брат. Но не сегодня днем. Через час я жду вас во дворе. Мы не должны упускать больше ни одной минуты.

Было похоже, что Джеймс хочет снова запротестовать, и Мария быстро заговорила опять:

– Зачем Бог поместил этот чудесный лес рядом с дворцом, если не для того, чтобы люди его оценили? Помните, брат: каждый человек должен есть. И мы также обсудим наши дела.

Густые брови Джеймса Стюарта подскочили вверх: сестра застала его врасплох. А Гвинет улыбнулась. Рован в этот момент лучше чем когда-либо понимал, что она действительно хорошо знает свою королеву. Внимательней приглядевшись к Гвинет, лорд Грэм понял: она не знает, что королеве нужно от него.

* * *

Мария была прекрасной наездницей и охотницей, имела отличную свору охотничьих собак и, кроме них, много мелких комнатных собачек, которых очень любила. Когда охотники въехали в лес, она просто излучала счастье. Королева пожелала, чтобы они поехали одни, хотя это было не по душе Джеймсу и Ровану. Гвинет понимала, почему они были недовольны. Они не могли чувствовать себя спокойно, пока такие люди, как Нокс, проповедовали с церковной кафедры, что человек имеет право отстранить от власти нечестивого правителя. В его ограниченном уме «нечестивый» значило любой, чьи взгляды не совпадают в точности с его учением, а значит, королеве будет угрожать опасность со стороны религиозных фанатиков.

Мария не могла поверить, что кто-то может осмелиться причинить вред особе королевской крови, поэтому она только посмеялась над их предостережениями, но в конце концов все же согласилась, чтобы вокруг того участка леса, где они станут охотиться, была выставлена охрана. И вот гончие залаяли и сорвались с места: охота началась.

Природа в Шотландии, возможно, не так роскошна и богата, как на континенте, но лес здесь отличается почти мрачной манящей красотой. Осень едва началась, но было похоже, что под зеленым сводом ветвей темнеет быстро. Сначала Мария и Джеймс ехали впереди. Гвинет, скакавшая сзади них с Рованом, не могла слышать их разговор, хотя она сама и ее спутник молчали, и это ее беспокоило.

Лорд Рован был погружен в свои мысли и, видимо, не замечал ее тревогу. Вдруг он повернулся к ней и спросил:

– Скоро ли вы поедете погостить к себе домой?

Гвинет посмотрела на него отсутствующим взглядом, не понимая, о чем он спрашивает. И правда, удивительно, что она снова здесь и даже не подумала о том, чтобы побывать в своем доме на острове Айлингтон. То, что пришло ей на ум прежде всего, не годилось для ответа:

«Меня не хотят здесь видеть».

– Я... не загадываю так далеко вперед, – ответила она.

– Так далеко вперед? Но вы уже достаточно давно знали, что вам придется вернуться в Шотландию.

– Думаю, я беспокоилась за королеву, – поспешно добавила она. – Вы не понимаете. Первое время ей было здесь трудно. Несмотря на свой высокий сан, она очень заботливая и добрая женщина. Мария была сиделкой при короле Франциске в ужасные часы его болезни. Она была с ним, когда он испустил последний вздох. И вдруг такая молодая женщина стала вдовствующей королевой Франции. Ей нужно решить такое множество вопросов, встретиться с таким количеством людей! Она была в трауре, но к ней приходили иностранные посланники с соболезнованиями от королевских особ и дворян, и всех она должна была встречать и вежливо приветствовать. Все это время ей нужно было принимать решения и думать, как лучше всего себя вести.

Пока она говорила, Рован наблюдал за ней и улыбался – как ей показалось, язвительно.

– Именно от вас больше, чем от любого другого, можно было ожидать, что вы не станете осуждать королеву, а поймете, что она чувствовала тогда, – укоризненно проговорила она.

Его улыбка немного поблекла, он поднял глаза и сказал:

– Леди Гвинет, я снова подумал о том, как повезло нашей доброй королеве Марии, что она имеет такого стойкого и верного друга, как вы.

Гвинет почувствовала себя полной дурой.

– Спасибо, – с трудом пробормотала она, а потом, чтобы скрыть свое смущение за словами, стала говорить о королеве: – Те, кто хорошо ее знают, любят ее – *все*, кто ее знает, не только я.

– Тогда ей действительно очень повезло, – мягко произнес он.

– Не отставайте! – окликнула их Мария.

В этот момент впереди громко затрещали ветки.

– Кабан! – крикнул Джеймс. – Пропустим его. Нас слишком мало, мы можем не справиться с ним, если охота пойдет плохо.

Но Мария не услышала его, она уже погналась за зверем. Королева прекрасно стреляла из лука, и Гвинет отлично знала, что Мария может убить животное. Но Джеймс, беспокоясь за сестру, все же поскакал за ней. За ними, что-то ворча себе под нос, последовал Рован.

Гвинет ударом колена поторопила лошадь и тоже приготовилась к погоне, хотя не слишком любила охоту. Однажды при ней медленно умирал убитый олень. Гвинет видела, как постепенно гаснут глаза красивого зверя, и после этого ей никогда не хотелось участвовать в охоте, хотя случилось, что у нее не было выбора, как теперь.

Впереди нее петляла незнакомая тропа. Вдруг Гвинет поняла, что осталась одна: остальные охотники, должно быть, свернули в другую сторону. Ей было все равно: она любила ездить верхом. Гвинет придержала лошадь и наконец догадалась, где именно свернула с правильной дороги. Но тут раздался оглушительный треск.

Ее лошадь тоже услышала его и отпрянула. Гвинет стала успокаивать ее словами, при этом крепко сжимая в руках поводья.

Но опыт ей не помог. Кобыла вдруг сделала свечку, встав на дыбы, потом развернулась, захрапев и душераздирающе заржав. В следующее мгновение Гвинет лежала на земле в нескольких футах от своей лошади. А та уже ускакала прочь.

– Стой! Предательница! – крикнула Гвинет.

Она с трудом поднялась на ноги и ощупала руки и ноги – нет ли переломов? Она была исцарапана с ног до головы, вся покрыта грязью и колючками чертополоха. Сначала она злилась и на лошадь, и на себя: усидеть в седле было невозможно, но она должна была быстрее встать, успокоить лошадь и не дать ей ускакать.

Потом она снова услышала все тот же шум, и перед ней появился кабан. Несколько стрел торчали из его левой лопатки, и капли крови стекали из-под них по боку обезумевшего от боли зверя. Он был серьезно ранен, поэтому теперь шел медленно и спотыкался.

Кабан увидел ее. Он смотрел на Гвинет, и она, не моргая, смотрела в его крошечные глаза. Зверь был огромный. Она не могла даже приблизительно представить себе, сколько он весит.

«Умри, ну пожалуйста, умри сейчас!» – мысленно попросила она его.

Но кабан не собирался умирать. Он бил копытами землю, храпел, шатаясь на ослабших ногах. А потом помчался к ней.

Гвинет закричала и побежала, в отчаянии ища взглядом какую-нибудь хорошо протоптанную тропу или дерево, на которое она могла бы забраться.

Что это за звук – топот звериных копыт или стук ее собственного сердца? Только бы продержаться! Кабан должен умереть: он потерял очень много крови. Ей казалось, что она бежит уже целую вечность, но все еще слышала за спиной его приближающийся топот.

Гвинет споткнулась о корень дерева и с размаха упала в кусты. Теперь она была уверена, что умрет, но перекатилась по земле, отчаянно пытаясь встать на ноги и снова побежать.

Кабан уже почти догнал ее.

Тут она услышала грохот еще чьих-то приближающихся шагов и свист летящей стрелы.

Кабан был в десяти футах от Гвинет, когда стрела попала ему точно в горло. Зверь сделал шаг назад, зашатался и упал замертво.

Гвинет лежала скорчившись, тяжело дышала и дрожала как лист. Она почти не понимала, что происходит, и только моргнула глазами, когда сильные руки обхватили ее и поставили на ноги. Она никогда не считала себя трусливой, но сейчас у нее от страха подгибались колени. Она едва смогла осознать, что это лорд Рован прискакал за ней, точным выстрелом убил кабана всего за долю секунды до ее гибели, а теперь аккуратно поднял ее с земли, обнимает и успокаивает так нежно, как если бы она была ребенком.

– Вы в порядке? Все кончилось.

Она прижалась к нему, обхватила его руками за шею. Но, даже повиснув на его могучей и надежной, как крепостная стена, груди, она слишком хорошо чувствовала, что продолжает дрожать.

– Она не должна была так стрелять, – пробормотал Рован.

Гвинет поняла, что он имел в виду королеву. Он критикует королеву!

Вспыхнувший гнев разгорался и придавал ей силы. Дрожь прекратилась. Только теперь она почувствовала, что лорд Рован тоже дрожит, и решила молчать. Потом она выпрямилась в его руках и, отстранившись, сказала:

– Королева стреляет великолепно. Это лорд Джеймс не должен был скакать за ней вдогонку. Конечно, он отвлек ее внимание.

– Он опасался за ее жизнь, – возразил Рован. – Ему явно стоило побеспокоиться и о вашей жизни.

– Пожалуйста, отпустите меня. И сейчас же! – Потребовала она, обидевшись на Рована: он так явно показал, что считает ее безмозглой наездницей.

Он выполнил ее просьбу. Гвинет зашаталась и снова упала ему на грудь. «Я и в самом деле дура: не почувствовала, что ноги у меня еще слабые, как желе», – подумала она.

Рован поддержал ее и не дал упасть. Гвинет отчаянно старалась, чтобы силы вернулись к ней.

– Спасибо, – поблагодарила она, отступив назад и пытаясь устоять на ногах. Она подумала, что выглядит жалко и смешно: шляпа ее пропала, заколки выскочили, и волосы растрепались и рассыпались в беспорядке по плечам, в них запутались листья и обломки веток. Лицо измазано грязью: она это чувствовала. Костюм для верховой езды сбился и сидит на ней криво.

Гвинет было неловко из-за своего неопрятного внешнего вида, и потому она была настроена агрессивно. Но в глубине души она понимала, что не вправе обижаться на того, кто – это совершенно ясно – спас ей жизнь. Девушка чувствовала, что ее щеки пылают от стыда, а Рована это, казалось, нисколько не смущало, он не отрываясь смотрел на нее в упор. Ей отчаянно хотелось открыть рот и заговорить, но что-то заставляло ее молчать.

Она заметила, как в его взгляде появилось разочарование, и чем дольше она молчала, тем отчетливее оно проявлялось. От этого ее положение стало еще хуже. Почему ей так важно, что Рован думает о ней?

Наконец Гвинет смогла заговорить.

– Королева не виновата, – прошептала она, но этого было мало. Рован спас ей жизнь. Она понимала, что должна его поблагодарить.

Он продолжал смотреть на нее, и это ей вовсе не помогало.

Наконец она вспомнила о хороших манерах и произнесла чопорно и спокойно:

– Благодарю вас, вы спасли мне жизнь.

Он низко поклонился ей с преувеличенной вежливостью, словно она сказала это слишком поздно и ей должно быть стыдно.

– Возможно, вы научитесь лучше ездить верхом, особенно теперь, когда вы уже дома, – произнес он и повернулся к своему коню.

Стикс послушно ждал хозяина.

Гвинет пошла за ним быстрыми широкими шагами.

– Я хорошо езжу верхом! – бросила она дерзко.

– Разве?

Она снова покраснела и объяснила:

– Моя лошадь испугалась и упала.

– Понимаю.

Она видела, что Рован не верит ей.

– Она встала на дыбы, а потом перевернулась, – уточнила Гвинет.

– Ну конечно!

– С вами невозможно разговаривать! – воскликнула она.

– Очень жаль. Но почему?

– Вы не слушаете меня.

– Разумеется, слушаю.

– Вы не верите ни одному моему слову.

– Разве я говорил что-нибудь похожее? – спросил Рован.

Она стала поднимать вверх подол разорванной охотничьей юбки, чтобы не споткнуться, и при этом очень старалась не скрипеть зубами.

– Еще раз благодарю вас за спасение моей жизни, – процедила она и пошла по тропинке.

Гвинет не заметила, что Рован направился следом за ней, и поэтому испугалась, когда он схватил ее за руку. Она вздрогнула, повернулась и пристально посмотрела на него. Ее дыхание было неровным, а сердце билось слишком быстро. Нравился он ей или нет, в любом случае его высокий рост и сила производили впечатление. Правда, он был непростительно надоедливым. Но в его прикосновении не было ничего отталкивающего.

– Куда вы идете?

– Искать королеву.

– Пешком?

– Как вы могли заметить, моей лошади нигде не видно! – вздохнула она.

– Идемте со мной.

Она продолжала стоять неподвижно. Тогда он наконец улыбнулся и сказал:

– Вам не нужно бояться меня.

– Я не боюсь.

– Может быть, не боитесь, но остерегаетесь.

– Вы до сих пор не научились любить королеву. Может быть, теперь научитесь, – заявила ему Гвинет.

– Я служу королеве Марии всем, что у меня есть.

– Но любите не ее, а Шотландию, – парировала она.

Его улыбка стала заметней.

– Люблю Шотландию, но королева воплощает Шотландию в себе, разве не так? А теперь идемте. Садитесь со мной в седло, и мы сможем найти остальных.

– Вы ужасный человек. Не думаю, что я смогу сидеть с вами на одном коне.

Рован громко рассмеялся:

– В чем дело? Я соглашаюсь с вами, а вы нападаете на меня.

– Вы вовсе не соглашаетесь со мной.

Он коснулся рукой ее лба, смахнул с него листок из лесной подстилки. В этом движении была странная нежность. Ей вдруг расхотелось спорить с ним. Ей захотелось...

Захотелось снова почувствовать, как эти пальцы касаются ее тела.

Гвинет быстро отступила назад. У него есть жена. И он ее очень любит, хотя она так тяжело больна.

– Идемте, – повторил он, на этот раз нетерпеливо. А потом, не давая ей выбора, он легко поднял ее в воздух и посадил на своего высокого жеребца, прыгнул на коня сам и сел сзади нее.

Гвинет ничего не могла сделать: он обхватил ее руками, когда брался за поводья. Она сглотнула комок в горле. Как этот человек, который может быть таким резким на словах и грубым в поступках, сумел разбудить в ней чувство, которого она никогда не испытывала раньше?

Это нелепо. И неправильно.

Сидеть на коне Рована было нетрудно. Этот вороной жеребец был огромным, но полностью подчинялся хозяину. Шаг Стикса был плавным, ровным и быстрым. Гвинет сидела, откинувшись назад, и чувствовала себя странно – несчастной и в то же время возбужденной. Никогда она не ощущала прикосновение другого человека с такой остротой, как сейчас.

Они наконец вернулись на равнину, где их ждали Джеймс и Мария. Королева радостно вскрикнула, бросилась навстречу Гвинет и крепко прижала ее к груди, как только Рован опустил свою спутницу на землю. Мария пылко обняла Гвинет, потом отступила назад, посмотрела ей в глаза и оглядела с ног до головы, выясняя, нет ли ран.

– Ты не ранена? Бедная моя! Это я виновата. – Принимая вину на себя, Мария бросила гневный взгляд на брата. – Что случилось? Вы нашли кабана? Нет, это кабан нашел вас. О боже, подумать только, что могло случиться...

– Зверь уже мертв. Мы пошлем за ним кого-нибудь, ваша милость, – сказал Рован.

Мария бросила на него благодарный взгляд, затем снова посмотрела на Гвинет:

– Ты в порядке?

– Мое достоинство сильно пострадало, но в остальном я в полном порядке, – заверила ее Гвинет, а потом глубоко вздохнула и добавила: – Лорд Рован чудом пришел на помощь как раз вовремя. Он... – Почему ей так не хочется это говорить? – он спас мне жизнь.

– В таком случае мы безмерно благодарны лорду Ровану, – серьезно сказала Мария.

Рован кивнул, выражая признательность за эти слова, и произнес:

– Ваша милость, я рад служить вам любым способом, которым могу это сделать.

– Вернемся во дворец: леди Гвинет могут понадобиться уход и покой, – мрачно пробурчал Джеймс.

– Где ваша лошадь? – спросила Мария у Гвинет.

– Смею предположить, что она вернулась на конюшню. Я уверен, что она знает дорогу туда, – сказал Рован. – Стикс – большой и сильный конь, – добавил он, указывая на своего жеребца. – Леди Гвинет и я доедем на нем до конюшни так же легко, как доехали сюда.

Протестовать при подобных обстоятельствах было бесполезно: Гвинет только выглядела бы глупо. Поэтому, немного поворчав, она согласилась.

Позже, когда они вернулись в Холируд, Гвинет услышала, как лорд Джеймс тихо сказал Ровану:

– Если они собираются скакать по лесам, ища развлечений, то должны научиться ездить верхом.

Гвинет очень хотела повернуться к брату королевы и вступить с ним в спор, но, к своему удивлению, обнаружила, что ей незачем это делать.

– Джеймс, я думаю, что эта леди ездит верхом ничуть не хуже любой другой женщины, а может быть, не хуже любого мужчины. Никто не может усидеть на падающей лошади. Если лошадь валяется на земле, там же должен валяться и всадник.

Гвинет, потрясенная тем, что Рован защищает ее, не была готова к тому, что произошло потом. Один из рослых, широкоплечих охранников подошел к ней, желая взять за руку и проводить во дворец.

– Спасибо, я могу идти сама, – настаивала она. – Я не пострадала, на меня только налипло много листьев.

Охранник взглянул на Марию, та кивнула, и лишь после этого ей позволили стоять самой на ногах.

Она убежала в свою комнату, желая как можно скорее избавиться от этой излишней заботы.

* * *

Рован видел, как Гвинет уходила, и удивлялся тому, как легко она может тронуть его сердце. Он не знал, что его так привлекает в ней – выражение глаз, страсть, которая звучит в ее голосе, или сочетание яростной воинственности и невинности.

– Лорд Рован! – позвала Мария.

– Что, моя королева?

– Я действительно желала поговорить с вами вне дворца, но возможности не было. Не проводите ли вы меня в мои комнаты?..

– Готов выполнить все, что вам угодно.

Он понял, что, пока он спасал Гвинет, Мария и Джеймс говорили между собой о чем-то, поскольку лорд Стюарт явно знал, что именно королева собирается сказать ему, Ровану. И действительно, именно Джеймс провел их в маленькую приемную, находившуюся рядом с покоями королевы.

Для их удовольствия в комнату принесли прекраснейшее французское вино. Рован предпочитал хороший шотландский эль или виски, но сказал изящный комплимент по поводу выбора королевы. Она не сидела в королевском кресле с высокой спинкой, в котором ей полагалось принимать иностранных послов, а выбрала один из обитых парчой стульев, стоявших перед огнем.

Джеймс не стал садиться вообще, а остался стоять у камина. Мария жестом велела Ровану подойти к ней, и он выполнил ее желание. Его любопытство росло с каждой секундой.

– Мне известно от людей, заслуживающих доверия, что вы находитесь в дружеских отношениях с моей кузиной, – начала Мария.

Он снова сел: слова королевы застали его врасплох.

– С королевой Елизаветой?

«Чему тут удивляться? – выругал он себя. – У Марии очень талантливые министры, которые служат ей много лет».

– Да.

– Мать моей жены состоит в дальнем родстве с ее величеством, – сказал он.

– Родственные связи – хорошая вещь, верно? – спросила королева. – Нас учат чтить наших отцов и матерей. Поэтому странно, что в делах политики и королевской власти можно причинить так много зла тем, кого любишь. Но сейчас речь идет не об этом. Мы играем в очень сложную игру – я и Елизавета. Я никогда не встречалась с моей кузиной и знаю ее только по письмам и по чужим рассказам. Сейчас мы заняты серьезными вопросами. Я не утвердила договор между нашими странами, потому что она тоже не подписала свое завещание.

Об этом Рован уже знал.

– Я полагаю, – осторожно заметил он, – что Елизавета считает себя еще молодой и не хочет думать о том, что будет после ее смерти.

Мария покачала головой и заявила:

– Она должна согласиться, что я – прирожденная наследница ее короны.

Рован молчал. Он был уверен, что Марии понятно, почему Елизавета колеблется. Англия теперь твердо придерживалась протестантской веры. Если английская королева признает своей наследницей католичку, это может привести к церковному расколу в ее стране. Рован знал, что правившим Англией протестантам была не по душе королева Шотландии, как сторонница

католической веры. Хотя, если иметь в виду только порядок родства, требование Марии, вероятно, было справедливым. Но существовали и другие внуки и внучки Генриха VIII, и среди них – Кэтрин, сестра несчастной леди Джейн Грей, которую прозвали «девятинедневная королева». После того как умер единственный сын Генриха VIII Эдуард, протестантская партия возвела Джейн на трон. Но сторонники другой Марии, католички, дочери Катерины Арагонской, легко разгромили защитников Джейн. В конце концов «девятинедневной королеве» отрубили голову на эшафоте – но не потому, что родные поспешили посадить ее на трон, а за то, что Джейн отказалась сменить веру, когда Мария этого потребовала. Та Мария приобрела себе так много сторонников именно благодаря тому, что имела законное право вступить на престол. И по ее приказу было казнено много видных протестантов, из-за чего она получила прозвище Мария Кровавая. Елизавета взошла на престол после смерти той Марии и положила конец преследованиям за веру, но в сердцах и умах англичан еще жила память о пролитой крови, и теперь они не хотели, чтобы ими правила католичка.

– Мы все знаем, почему Елизавета медлит, – сказал он.

– Вот в этом-то и дело. Вы знаете, лорд Рован, что я не намерена силой навязывать свои верования моему народу, который теперь следует по пути шотландской церкви. Если Елизавета будет знать это и верить в это так же, как верю я, не думаю, что она станет дальше затягивать переговоры. У вас с ней дружеские отношения. Вы можете попросить ее об аудиенции, чтобы пожелать ей доброго здоровья, а во время встречи с ней можете рассказать ей то, что узнали обо мне.

– Рован, вас посылают в Лондон, – прямо заявил Джеймс.

Рован взглянул на брата королевы. Этот человек являлся для него загадкой. Он был регентом Шотландии до приезда Марии и знал о шотландском народе очень много. Он разбирался в законах и потому попросил сестру вернуться и уступил ей корону. И все же иногда он, наверное, думал о том, что положение Шотландии могло быть гораздо лучше, если бы он был единственным законным ребенком своего отца.

– Разумеется, я охотно исполню любое ваше поручение. – Сказав это, Рован помедлил, но затем хрипло добавил: – Хотя я собирался съездить в свои поместья. Там есть работа, за выполнением которой мне бы следовало проследить самому.

Мария коснулась ладонью его руки. Рован увидел в ее глазах глубокое сочувствие и понял, что в одном сторонники королевы поистине правы: у нее золотое сердце. Она добра и очень заботлива к тем, кто ее окружает.

– Разумеется, я позволяю вам поехать домой и оставаться там столько времени, сколько будет нужно. Но после этого вы должны отправиться на запад, сопровождая леди Гвинет, а затем в Лондон.

– Сопровождая леди Гвинет? – переспросил он.

– Я получила письмо от Энгуса Маклауда: это брат ее отца, он управляет ее землями. Он очень просит, чтобы она приехала ненадолго погостить. Вы окажете мне огромную услугу, если будете ее сопровождающим и отвезете на остров Айлингтон перед тем, как поедете дальше, в Англию.

Эта просьба встревожила Рована своей неожиданностью и смутила его – почему, он не мог понять.

– В этом случае важна быстрота. Может быть, мне лучше отправиться в мои поместья, а потом в Англию одному, даже без моих слуг, – предложил он.

Мария немного нахмурилась:

– Нет, лорд Рован, я предпочитаю, чтобы леди Гвинет проделала весь путь вместе с вами, то есть сопровождала вас к английскому двору после того, как побывает у себя дома. Я назначаю вас ее хранителем, и пусть будет известно, что я искренне желаю, чтобы она, одна из самых дорогих мне дам, узнала больше о положении дел в Англии и смогла затем быть моей наставни-

цей и научить меня понимать моих ближайших соседей ради сохранения мира между нашими странами.

Ловушка захлопнулась: Рован мало что мог бы сказать или сделать. Не мог же он сказать королеве, что та, которую она просит его сопровождать, стала для него слишком сильным соблазном?

Нет. От него ожидают, что он будет надежным хранителем своей спутницы независимо от того, что он думает и чего желает.

– Рован, Мария попросила у меня совета в этом деле, – сообщил ему Джеймс. – Я думаю, ваш дружеский визит в Англию будет иметь большое значение, а если вы привезете с собой леди Гвинет, это облегчит дело. Она состоит в свите Марии, но сама осталась протестанткой. Она горячо любит Марию, но по крови и по манерам остается гораздо больше шотландкой, чем француженкой. Неофициально она будет посланницей королевы.

– Леди Гвинет знает об этом? – спросил Рован.

– Пока нет, – ответила Мария. – Но она прекрасно поймет, чего я хочу от нее. Я здесь недавно, хотя королевский титул ношу уже давно, ибо в этот сан меня возвели всего через несколько дней после рождения. Мое желание принести моей стране только добро должно быть понято, и то, что я желаю мира, должно быть понято тоже. Вы, сэр, можете без обмана протянуть мне руку дружбы в самых важных неофициальных поручениях.

То, что скажете вы и что скажут вам, не будет меня ни к чему обязывать. Если мои министры и послы сгоряча делают поспешные глупые заявления, я не считаю своим долгом выполнять то, что они обещали. Вы отвезете Елизавете несколько подарков от меня лично. И я знаю, Гвинет очарует ее. Я еще не встречала ни среди знатных, ни среди простолюдинов никого, кто не нашел бы ее очаровательной и умной. Ее обаяние сослужит мне хорошую службу.

– Когда вы хотите, чтобы я отправился в путь? – спросил Рован.

– После следующей воскресной службы, – серьезно ответила королева.

Глава 4

Это решение ошеломило Гвинет.

Она не могла поверить, что Мария отсылает ее прочь. Конечно, у королевы есть придворные дамы, есть четыре Марии, но Гвинет считала, что королева нуждается в ее дружбе, а значит, в ней самой. К тому же они так недавно приехали сюда. Она явно нужна Марии, поскольку хорошо знает Шотландию.

Гвинет поделилась своими мыслями с королевой. Понимая, что позволяет себе слишком много, она все же промолвила:

– Я не могу покинуть вас сейчас. Я нужна вам здесь.

Мария только улыбнулась в ответ:

– Гвинет, не надо об этом. Разве ты не веришь в меня? Да, я давно не была здесь, но очень много читала. И кроме того, у меня есть брат Джеймс, который дает мне советы во всех делах. Я собираюсь идти вперед очень медленно и осторожно. Скоро я отправлюсь в поездку по стране, побываю во многих городах, чтобы встретиться с большим числом моих подданных. Гвинет, я не отсылаю тебя прочь, я отдаю в твои руки самое большое желание моего сердца.

Слова королевы потрясли Гвинет, и она должна была подчиниться.

Елизавета была на десять лет старше Марии и взшла на трон в возрасте двадцати пяти лет. До своего воцарения она на протяжении многих лет видела мятежи, сражения и смерть. И однажды даже сама попала в тюрьму – правда, условия там были достойные королевской особы, но все же это была тюрьма. А случилось это потому, что ее старшая сводная сестра Мария Тюдор боялась восстания протестантов. Впоследствии Мария умерла естественной смертью, и Елизавета на законном основании взшла на престол. Она не отличалась ни молодостью, ни наивностью, наоборот, считалась сильной и рассудительной правительницей. А Мария Шотландская по-прежнему в глубине души верила, что достаточно пожелать чего-то, и это непременно сбудется.

– Боюсь, вы ставите передо мной задачу, для выполнения которой я не подхожу, – попыталась все же возразить Гвинет.

– Я прошу тебя о том, о чем не могу попросить никого другого. Это займет не очень много времени, Гвинет. Несколько недель в горном краю, еще несколько недель пути на юг, месяц или около того в Лондоне, а потом ты вернешься. Ты идеально подходишь для выполнения этой миссии. Я не жду от Елизаветы официального ответа, а только хочу заложить основы для будущего – остальное сделают министры и послы.

– А если я подведу вас?

– Ты не подведешь, – ответила Мария, и на этом разговор был закончен.

Они должны были уехать в воскресенье после церковной службы.

Мария уже сообщила лорду Ровану о своем намерении, и Гвинет была уверена, что это известие его крайне огорчило. Он, разумеется, не будет рад поручению отвечать за ее безопасность. А ее твердое решение присутствовать на двух церковных службах одновременно – католической мессе и своей протестантской – должно было если не рассердить, то по меньшей мере раздражить его, потому что в результате они поедут позже, чем он рассчитывал.

Однако ее планы были нарушены в самом начале.

Гвинет была достаточно умна, чтобы не идти в большую церковь Эдинбурга, где проповедовал пламенный Джон Нокс, и поэтому вместе с несколькими протестантами из свиты Марии отправилась верхом в маленькую и очень простую часовню, находившуюся всего в нескольких милях к юго-западу от города.

Священника, служившего в этой часовне, звали Дональд Донехью. Его голос звучал мягко и ласково. Но как только он начал проповедь, Гвинет сразу поняла, что ее ждут неприятности. Он был из тех, кого четыре Марии, смеясь, называли «стукалы».

Речь Дональда Донехью была пропитана ненавистью к папистам, он назвал их пятном на теле страны. Ударяя кулаком по кафедре, священник смотрел прямо на Гвинет, а потом, указывая на нее, заявил:

– Те, кто чтут ложных идолов, хулят Бога! Их жизнь – кощунство, они – проклятие нашей страны! Эти люди подобны ведьмам, которые в темноте призывают беду, зло и смерть!

Гвинет была так потрясена, что сначала сидела молча. Но когда эхо его слов разнеслось по всей часовне, она встала со своего места, кипя от гнева.

Девушка тоже простерла руку в сторону священника. Ее ум работал с бешеной скоростью. Она хотела осторожно выбирать слова, но это было уже невозможно: ей казалось, она вся горит внутри.

– Те, кто верит, что Бог их друг и что Он друг только им; те, кто считает, что Он шепчет только им на ухо, что хорошо, а что плохо, – вот кто пятно на теле нашей страны! Никто из нас не знает наверняка, каковы намерения Господа. Те, кто осуждает других людей, но не видит собственных ошибок, – вот кто опасен и злобен. Если Бог, благословляя страну, ставит во главе ее человека, который ясно понимает, что никто не узнает Бога, пока не будет призван к Нему, и хочет позволить своим подданным считать добром то, что признают добром они сами, жители такой страны должны поклониться этому правителю или правительнице в знак благодарности. Наша королева так мудра и добра, что не желает проливать кровь, но боюсь, что иногда об этом хочется пожалеть.

Закончив говорить, Гвинет еще какое-то время не мигая смотрела на проповедника, затем повернулась к нему спиной и стала пробираться к выходу, в спешке задевая соседей по скамье.

Все молчали, пораженные ее дерзостью. Она остро чувствовала эту звенящую тишину, когда со всем достоинством, на которое была способна, шла между рядами.

Перед самой дверью она снова услышала яростный удар кулака по кафедре и голос священника – и похолодела.

– Сатанинская ведьма! – проревел он.

Она повернулась и невозмутимо ответила:

– Я очень сожалею, что вы так думаете, ваше преподобие. У меня возникло впечатление, что вы сами слуга Сатаны.

В ее голосе было больше спокойствия, чем она чувствовала на самом деле.

– Прекратите сейчас же!

Гвинет с изумлением увидела, как лорд Рован поднимается со своего места. Он строго взглянул на священника, затем на нее и произнес:

– В этом доме Бога ни одна партия не должна из чувства мести обвинять другую. Преподобный отец Донехью, обращайтесь к нашим душам, но не используйте церковную кафедру для ваших личных нападок или для того, чтобы возбуждать недовольство властью. Леди Гвинет...

– Он нападал на королеву! – гневно крикнула она.

– И больше не сделает этого, – заявил Рован. Затем он снова повернулся к священнику и сказал: – Королева проявляет к чужим верованиям только терпимость и поощряет деятельность шотландской церкви. Она просила, чтобы ей не мешали хранить верность религии, которую она знала с детства. Она никогда не будет говорить другим, что они должны чувствовать и во что верить в своих сердцах. Будем уважать ее мнение и ее постоянство и станем беспокоиться о собственных душах.

Гвинет могла только догадываться, что именно прихожане станут говорить этим вечером. Но сейчас они сидели неподвижно, потрясенные и немного взволнованные, ожидая продолжения происходившего у них на глазах скандала.

Но больше ничего не случилось «Представление окончено», – с облегчением подумала Гвинет. Она вышла на улицу, зажмурившись от ярко бившего в лицо солнечного света.

Едва не споткнувшись, девушка побежала по разбитым камням, уложенным для удобства на дорожке, которая начиналась у церкви и вилась между длинными рядами могил. Возле низкой каменной стены, окружавшей церковный двор, она остановилась, чтобы отдышаться, ухватила за стену и стала глотать ртом воздух.

В следующее мгновение она услышала приближающиеся быстрые шаги и нисколько не удивилась, когда, подняв глаза, увидела Рована.

– Что, черт возьми, вы делали там, в церкви? – сердито спросил он.

– Что делала я? – изумленно переспросила она. – Преподобный Донехью напал на нашу королеву.

– Так какое-то время будут делать многие священники по всей стране. Она католичка. Если шотландцы уверовали во что-то, они будут верны этому безрассудно и безгранично. Именно так они сейчас преданы церкви, которая носит имя их страны. Вы только раздуваете огонь, который и так уже слишком силен. Вы слушаете мессу с королевой, а после этого идете в эту церковь.

– Я выбрала протестантскую веру, – с негодованием заявила Гвинет. – А королеву я сопровождаю на мессу только потому, что давала клятву следовать за ней всюду, куда она идет.

– Она поняла бы вас, если бы вы не пошли.

– Тогда я показала бы, что не поддерживаю ее выбор.

– Вы показали бы, что уважаете ее выбор, но сделали свой.

– Вы говорите мне, что в нашей стране все люди – мужчины, женщины и дети – все до одного протестанты? Почему они так быстро ими стали? Прошел всего год с тех пор, как был принят эдикт о вере. Кто же мы тогда – овцы? Никто не думает сам за себя? Господи Боже! Утром мы чтим римскую церковь, вечером чтим шотландскую. А завтра, может быть, начнем молиться древним богам-идолам? Вы, лорд Рован, не сделали ничего, не сказали ни слова в защиту королевы.

Он сложил руки на груди, посмотрел на нее с высоты своего роста и покачал головой.

– Вы думаете, я в силах заставить людей изменить их мнение? Или я должен был вызвать этого пожилого седого проповедника на дуэль на церковном дворе?

– Вы должны были заговорить.

– И подлить масла в огонь? Разве вы не видите, что он рвется в бой? Если вы не будете обращать внимание на тех, кто унижает королеву Марию, вы не дадите пищу для их бешеного гнева.

– Он указал на меня, – процедила Гвинет сквозь стиснутые зубы.

– Вам следовало спокойно слушать его и делать вид, что его слова недостойны ответа.

– Я не могла сделать этого, – просто сказала она.

– Тогда хорошо, что мы уезжаем.

– Неужели вы такой трус? – спросила она, по-прежнему кипя от гнева, потом подняла взгляд, чтобы посмотреть Ровану в глаза.

Гвинет увидела, что его лицо исказилось от ярости, которую Рован все же сдерживал.

– Я не молод и не безрассуден. Я знаю, как настроен народ. Я знаю, что, если попытаться заставить замолчать священника, когда он проповедует с кафедры, это заставит его кричать еще громче, и тогда его крики проникнут в души прихожан, потому что они поверят его словам. Ваша вспышка гнева для них будет только доказательством истины того, что он сказал. В церкви находятся и другие люди, которые заговорили бы позже, спокойно и обдуманно. Они –

и я тоже – сказали бы, что королева не раз доказывала, что она источник доброты и справедливости и полна величайшей заботы о своем народе. Наши сдержанные слова прозвучали бы гораздо мощней, чем ваши гневные упреки.

Гвинет отвела взгляд и прошептала:

– Он назвал меня ведьмой. Как он посмел?

Рован глубоко вздохнул:

– Если мы все сможем быть выше того, что говорят люди, которые своим фанатизмом пытаются разрушить нашу страну, все кончится так, как должно кончиться. Королева не изменит свою точку зрения, в этом я уверен. И вы правы: в нашей стране действительно есть католики, и вот это как раз и злит таких людей, как этот преподобный отец. Они боятся мятежа или восстания. – Он помедлил в нерешительности, но продолжил: – Дай бог, чтобы Мария не стала выяснять, возможна ли ее свадьба с доном Карлосом Испанским.

Гвинет изумленно взглянула на него. Слова Рована ее очень встревожили: она думала, что никто, даже Джеймс Стюарт, не знает, что Мария обдумывает свою свадьбу с испанским наследным принцем. Потом она покачала головой и ответила:

– Королева заявила, что считает самым лучшим для себя брак с протестантом внутри своей страны.

– Тогда будем молиться, чтобы такой брак состоялся. Но лучше бы ей сначала укрепить свою власть. А вот и ваша лошадь, – указал он на ее кобылу. – Вернемтесь в Холируд, а потом отправимся в горный край.

Он взял свою спутницу за руку и подвел к лошади. Хлоя – так звали кобылу Гвинет – действительно сама вернулась в конюшню после той злополучной охоты. Гвинет могла бы после этого случая выбрать себе другую верховую лошадь, но она была твердо уверена, что они с Хлоей станут хорошо чувствовать друг друга. Гвинет не могла упрекать животное за страх перед кабаном, который до ужаса напугал и ее саму.

Ей не нужна была помощь, чтобы сесть в седло, но Рован намеревался помочь, и она решила не давать ему повода для нового спора.

Уже сидя верхом, Гвинет снова упрекнула Рована:

– Вы не защитили ни меня, ни *королеву*!

– Я защитил вас обеих, – коротко ответил он. – Я отвечаю за вас.

– Вы не обязаны отвечать за меня. Я вполне способна сама отвечать за себя.

Она удивилась, когда Рован в ответ насмешливо улыбнулся:

– В самом деле? Тогда, может быть, вы действительно ведьма?

– Не смейте так говорить!

Он рассмеялся:

– Это было сказано как комплимент – правда, своеобразный. Вы можете очаровывать людей и, несомненно, создавать бурю.

Он ударил коленом свою лошадь и отъехал от Гвинет. А в ней по-прежнему бурлил гнев. Ей хотелось вытащить преподобного Донехью из церкви за волосы и сказать ему, что он злой и неумный человек. Кроме того, она сердилась на Рована. Ее уже пугало, что она должна будет терпеть его общество много дней. Даже недель. А может быть, месяцев.

– Я должна еще раз поговорить с королевой Марией перед нашим отъездом, – сказала она, когда они доехали до Холируда.

– Вот как?

– За время поездки мы можем убить друг друга. Я должна снова попросить ее избавить меня от вашего общества.

– Сделайте для этого все возможное! – ответил он. – Моя скорость наверняка будет меньше, если я поведу вас на поводу.

Он был прав, и Гвинет это знала. Но это было не важно. Он произнес это с таким пренебрежением, что ей страшно захотелось вырвать ему волосы.

– Вы тоже могли бы поговорить с ней, – напомнила она.

– Уже пытался.

– Значит, плохо пытались.

– Леди Гвинет, я прожил на этом свете на несколько лет больше, чем вы. Я умею сражаться – и мечом, и словом. И кому, как не мне, знать, когда лучше всего бывает отступить, чтобы продолжить сражение. Я изучал историю нашей страны, которую горячо люблю. Я не безрассуден и знаю, когда идти в бой. Да, я проиграл в споре с королевой. Вам ничто не мешает снова взяться за оружие, но я хочу уехать отсюда не позже чем через час, – сказал он.

Гвинет попыталась добиться своего. Она нашла Марию в одной из маленьких приемных. Джеймс докладывал королеве о проповеди, которую Нокс произнес в тот день. Знаменитый проповедник не признал ни Марию, ни ее идеалы, но заявил с кафедры, что королева имеет острый и сильный ум, что она заблуждается и потому остается занозой в теле страны, но такую правительницу протестанты должны постоянно пытаться обратить в истинную веру.

Марию это, кажется, позабавило. Она улыбнулась, и ее улыбка стала еще больше, когда она увидела Гвинет.

– А, моя свирепая птичка колибри! – воскликнула она со смехом. – Ты готова сразиться за меня со всей шотландской церковью!

Гвинет остановилась в дверях и нахмурилась: она не ожидала, что о событиях в церкви так скоро станет известно здесь.

Мария встала, отложила в сторону вышивку, подошла к Гвинет и обняла ее.

– Я буду так скучать по тебе! – призналась королева и немного отступила назад, но продолжала держать ее ладони в своих руках.

– Мне не нужно уезжать, – сказала Гвинет.

– Нет, нужно, – ответила Мария, бросила взгляд на Джеймса и добавила: – Может быть, особенно важно, чтобы ты уехала именно сейчас.

– Я защищала вашу милость.

– Ты всегда была верна мне, и я благодарна тебе за это. Я тоже чувствую гнев из-за фанатиков, которые настолько слепы, что не видят ничего, кроме своих мелких интересов. Но если бы я силой заставила их замолчать, это легко могло бы вызвать восстание. Поэтому я просто позволяю им говорить и надеюсь, что смогу создать в народе настроение, при котором им придется замолчать самим. А теперь о тебе. Готова ли ты к поездке? Очень ли хочешь увидеть свой дом?

«Нет, не очень», – подумала Гвинет. Ее родители умерли, и у нее был только строгий и суровый дядя, для которого долг был важнее всего на свете. Ее родной дом – грубая крепость, почти полностью окруженная морем. Люди там кормятся тем, что рыбачат, ловят угрей и держат нескольких сильных овец или же с трудом возделывают твердую каменистую землю. Но большинство из них счастливы: у них есть семьи, есть любимые. А она, по мнению дяди, не заслужила такой простой человеческой радости. Она должна исполнять свой долг. Энгус Маклауд, несомненно, понравился бы яростному Джону Ноксу.

– Я беспокоюсь о вас, ваша милость, – сказала она.

Улыбка Марии стала шире.

– Мне действительно повезло с тобой. Но ты должна уехать.

Гвинет признала, что не сможет победить в этом споре. И Рован знал это. Теперь ей придется спешить, чтобы быть готовой к назначенному им сроку. Она не позволит себе опоздать, не даст ему больше ни одной возможности показать всем своим видом, как его раздражает, что он вынужден терпеть ее.

– Тогда... прощайте.

– Ты вернешься быстро, – заверила ее Мария. – Дорога кажется длинной, но на самом деле она коротка.

Гвинет кивнула. Они обнялись, а после этого случилось нечто, поразившее Гвинет: лорд Джеймс подошел к ней и сердечно попрощался. Она знала, что Джеймс не имел склонности выставлять напоказ свои добрые чувства, и поэтому ей было приятно, когда он неловко похлопал ее по плечу и произнес:

– Помогите вам Бог в пути, леди Гвинет! Мы будем скучать по вас.

Она улыбнулась, поблагодарила его и выбежала из комнаты, пока по лицу не потекли слезы, которыми уже наполнились ее глаза. «Такова жизнь!» – грубо напомнила она себе. Марию, когда та была еще ребенком, послали за море, без матери, к человеку, за которого она должна была выйти замуж, захочет она этого или нет. Женщин постоянно посылают куда-нибудь для выполнения брачного договора, и часто это похоже на продажу ангела отвратительному зверю.

На минуту ее сердце похолодело. Хотя она наследовала титул отца, ее дядя Энгус, брат ее деда, по обычаю, имел право решать ее судьбу. Она могла лишь благодарить Бога за то, что служит при дворе: любые намерения дяди на ее счет должна была одобрить Мария.

Королева никогда не принудит ее к чему-нибудь ужасному. Или может принудить?

Нет, не может. Даже сейчас Мария всего лишь отправила ее в поездку, чтобы прощупать, насколько велики ее, Марии, шансы на дружбу с кузиной, могущественной английской королевой. Она никогда не навязывала свою волю ни одной из своих фрейлин.

«Но один раз навязала – сейчас». Гвинет тут же выругала себя за эту предательскую мысль.

В своей уединенной маленькой комнатке, которую она так любила, Гвинет обнаружила ожидавшую ее женщину средних лет, немного полноватую, с щеками пухлыми, как у ангела, доброй улыбкой и большим животом.

– Миледи, меня зовут Энни. Вообще-то я Энни Маклауд, хотя родство между нами, разумеется, очень дальнее. – Тут она радостно улыбнулась и добавила: – Я буду сопровождать вас и служить вам. Это для меня большая честь.

Гвинет улыбнулась. Наконец-то кончились сложности! «Эта женщина, кажется, просто веселый и приятный человек, я рада, что она будет рядом».

– Я счастлива, что ты будешь служить мне, Энни.

– Я отослала ваш сундук вниз, к нашему маленькому каравану. Я буду готова, миледи, как только будете готовы вы.

Так вот почему она здесь.

Когда она отправилась в церковь, то оделась так, чтобы скакать на коне весь долгий день. Девушка надеялась, что уедет укрепленная и благословленная словом Божиим, а вместо этого... Хочется ей или нет, ее все равно подготовили в путь...

– Энни, пора. Нам нужно быть уже в дороге.

Она с тяжелым сердцем закрыла дверь в свое холирудское святилище и сбежала по каменной лестнице во двор, где уже ждали выючные лошади, маленький отряд охранников и Рован.

* * *

«По крайней мере, леди Гвинет не пожилая или больная подопечная», – подумал Рован. Один он легко мог бы проезжать по пятьдесят миль в день. Но если бы ему пришлось ехать с каретой и большим багажом, это сильно затруднило бы движение вперед. К его удовольствию, леди Гвинет умела не обременять себя вещами в дороге. Веселая женщина, которую дали ей в спутницы, была гораздо более тяжелым бременем, хотя и не по своей вине. Она была неплохой наездницей и твердо сидела на своей спокойной лошади, но никогда еще не проводила в седле

много часов подряд. Поэтому Рован был вынужден регулярно делать остановки, чтобы все они могли размять ноги, перекусить и отдохнуть.

Один он добрался бы в первый день уже до Стирлинга. Но из-за женщин решил, что лучше провести первую ночь во дворце Линлитгоу – почти на полпути к Стирлингу.

У ворот дворца его радушно приветствовал вооруженный привратник. Управляющий дворцом, знавший имя Гвинет и ее должность, мучился от любопытства и был очарован гостей. Хотя они приехали поздно, Рована и Гвинет пригласили в огромный зал с массивными стенами, а их четверых охранников отвели спать в комнаты верхнего этажа конюшни. Энни и слугу Рована накормили на кухне, а потом указали им постели в комнатах для прислуги. Сам Рован и Гвинет еще какое-то время разговаривали с управляющим, которого звали Эмос Мак-Элистер. Этот здоровяк с огромным удовольствием рассказывал им о том, как королева Мария родилась в этом дворце и как ее отец, к несчастью, умер всего через шесть дней после ее рождения. Рован смотрел на Гвинет, а она жадно слушала рассказы старика управляющего о том, какой Мария была в младенчестве, и улыбалась. Рован решил, что день прошел хорошо, особенно если учесть, каким было утро. Во время долгой скачки он и Гвинет вежливо держались на расстоянии друг от друга, и он надеялся, что они и дальше смогут так же ладить между собой.

Следующее утро тоже было прекрасным. Их приветствовал управляющий замком Стирлинг. Он принял их с такой же заботой и уважением. Гвинет, кажется, понравился Стирлинг. Этот замок действительно выглядел впечатляюще, да и городок вокруг него был красив. Люди на улицах шептались о появлении приезжих из столицы. Гвинет улыбалась при виде горожан, которые встречали их приветствиями. Рован должен был признать, что она даже здесь была очаровательной неофициальной посланницей своей королевы.

На следующий день они были уже на пути в горный край, и только теперь их поездка началась по-настоящему.

Они подъехали к маленькому селению, носившему название Лох-Гран, хотя громким словом «лох», то есть озеро, на самом деле назывался всего лишь крошечный пруд. Подъезжая к нему, они слышали крики.

Гвинет, большую часть скакавшая рядом с Энни, теперь проехала вперед и оказалась рядом с Рованом.

– Что там за суета? – спросила она.

– Не знаю, – покачал он головой.

Она ударила лошадь коленом и обогнала Рована.

– Подождите же меня! – сердито крикнул он.

Вслед за Гвинет он проехал мимо очень милых деревенских домов, церкви и невзрачного здания, которое здесь могло сойти за господский дом. Рядом протекал узкий ручей.

Гвинет натянула поводья. На ее лице вдруг отразился ужас.

Рован мгновенно понял, что ее испугало. Были отчетливо слышны крики жителей, которых подзадоривали вооруженные люди – очевидно, воины владельца этих земель. Предметом насмешек этой толпы была молодая женщина, привязанная к столбу. У ее ног были сложены в кучу вязанки хвороста. Женщина была в одной рубашке из тонкой льняной ткани. Длинные пряди ее темных волос спутались, а лицо выражало муку и сознание полного поражения.

– Они хотят ее сжечь! – в ужасе воскликнула Гвинет.

– Видимо, ее осудили за колдовство или за ересь, – предположил Рован.

Гвинет взглянула на него, и ее огромные золотистые глаза были полны гнева.

– Вы верите в такие глупости? – спросила она.

– Я полагаю, что даже ваша драгоценная королева верит в них, – мягким тоном ответил он.

– Но... ее проверяли *здесь*, не в Эдинбурге? По какому закону? Чей это закон?

– Осмелюсь сказать – местный.

– Тогда вы должны остановить их.

Рован не знал, что бы он сделал, если бы с ним не было Гвинет. Его часто поражала жестокость шотландских законов. Подростком он видел, как в Эдинбурге повесили молодого мужчину всего лишь за кражу бараньей ноги. Тогда его отец печально сказал ему, что таков закон и он не может остановить казнь.

Рован не верил ни в какие предрассудки, не верил и в то, что у некоторых женщин бывает дурной глаз. И если быть честным как перед Богом, он, конечно, не верил, что человек может заключить договор с дьяволом. Но все же существуют законы...

– Сделайте что-нибудь! Рован, пожалуйста! Они сейчас зажгут огонь! – кричала Гвинет.

– Стойте, наблюдайте и будьте наготове, – приказал Рован Гевину, начальнику их охраны.

Тут Рован понял, что Гвинет в первый раз назвала его по имени и в ее глазах при этом была одна лишь искренняя мольба. «Чувство, – подумал он. – Чувства губят нас всех».

Он пришпорил коня, с властным видом проехал через толпу, остановился перед служителями церкви и гневно спросил:

– Что это за насмешка над правосудием? Какое у вас право выносить смертный приговор?

Как он и надеялся, по цветам его одежды и по размеру и породистой внешности коня эти люди поняли, что он близок к королевской семье. Большинство собравшихся молча отступили, но одетый в черное священник подошел к нему:

– Милорд, я священник здешней церкви. Эта женщина допрошена должным образом и признана виновной.

– Допрошена должным образом? А какой здесь у вас суд? Он разрешен королевой? – спросил Рован.

– Это было местное дело.

Рован огляделся. Толпа молчала. Были слышны только тихие всхлипы: это плакала молодая женщина на костре.

– Отвяжите ее, – спокойным голосом приказал он.

– Но... ее же допросили.

– Допросил неподходящий суд. Дорогой мой, в делах, касающихся жизни и смерти, вы и по предписаниям закона, и по велению совести должны обращаться к более высокой власти. И вы это, конечно, знаете.

Пастор внимательней посмотрел на Рована, обратил внимание на цвет его одежды и его вооруженных охранников и немного отступил назад.

– Не вы ли Рован Грэм, лорд Дальних Островов? – с тревогой спросил он.

– Да, это я. И я служу Стюартам, королям Шотландии, которым присягал.

– То есть *французенке* из рода Стюартов?

– Шотландской королеве. И я долго был рядом с Джеймсом Стюартом, графом Маром, верховным законодателем нашей страны, который был нашим регентом после того, как умерла мать королевы.

Из толпы вышла коренастая женщина средних лет. Несмотря на ее сурово выставленный вперед подбородок и сжатые челюсти, Рован почувствовал к ней жалость. Одежда на ней была поношенная. Похоже, она была озлоблена потому, что в ее жизни слишком мало было радости.

– Вы не понимаете, великий лорд. Она посмотрела на меня. Лайза Даф посмотрела на меня и сглазила, а на следующий день моя свинья умерла.

Один из мужчин набрался мужества и присоединился к ней.

– Мой ребенок начал кашлять после того, как Лайза Даф посмотрела на меня.

– Разве больше никто на вас не смотрел? – резко спросил Рован. – Добрые люди! Жить человеку или нет, решает Бог. Или вы так легко поверили, что имеете право, не обратившись к

самой высокой власти в стране, приговаривать любого человека к такой ужасной смерти оттого, что с вами случилось несчастье?

Он опустил руку в свою дорожную сумку (кожаную и с мехом снаружи, какую носили горцы). Нашел в ней несколько золотых монет и бросил их двум жалобщикам.

– Ты купи себе новых свиней, – обратился он к озлобленной жизнью матери семейства. – А для тебя, – обратился он к мужчине, – может быть, найдется лекарство, и ты сможешь его купить.

Оба протянули руки к монетам и жадно схватили их. Пастор в это время пристально смотрел на него.

Гвинет подъехала к ним, также настороженно взглянула на пастора с высоты своего коня, а потом повернулась к Ровану и сказала:

– Ей нельзя оставаться здесь. Если ее здесь так презирают, то они возьмут ваше золото, а завтра снова допросят ее, и мы только отсрочим ее казнь.

Она была права.

Рован снова взглянул на пастора:

– Я отвезу эту женщину, Лайзу Даф, в мое поместье. Там она может служить в моем хозяйстве. Если мы обнаружим, что ваши обвинения правдивы, ее отвезут в Эдинбург, где она предстанет перед судом, имеющим на это полномочия.

Он не был уверен, что последняя фраза была нужна: было похоже, что его золото и высокое положение настроили этих людей в его пользу.

– Это предложение звучит честно и убедительно. Она больше не будет мучить жителей этой деревни, – сказал священник.

– Пусть ее сведут вниз, и сейчас же! – скомандовал Рован.

– И еще, – добавила Гвинет, – пусть ей дадут одежду, подходящую для дороги. Кроме того, по-моему, нам будет нужна лошадь.

– Мы должны платить за то, чтобы ведьма жила? – запротестовал пастор.

– Лорд Рован только что бросил вам намного больше денег, чем стоят лошадь и кое-что из одежды. И даже на то, что останется, вы сможете купить свиней и оплатить услуги достойного врача, – любезным тоном произнесла Гвинет.

Все молчали. Потом мужчины, стоявшие ближе всех к костру, начали отвязывать молодую женщину от столба.

Когда веревки, державшие ее, были сняты, она начала опускаться на землю. Гвинет мгновенно спрыгнула с лошади. Эти мужчины могли обойтись со спасенной грубо. Как они вообще соизволили помочь ей? А Гвинет восхитила Рована сочетанием силы и нежности, с которой она позволила молодой женщине опираться на нее, когда шла обратно к лошадям. Снова оказавшись рядом с Рованом, Гвинет взглянула на него и сказала:

– Она не может ехать на лошади одна. А нам, я полагаю, надо отправляться в путь.

Пока кто-нибудь не заставил его передумать!

Рован смог угадать по глазам Гвинет то, что она подумала, но не сказала вслух.

– Лошадь сюда! Она понадобится, когда эта женщина снова наберется сил. И одежду тоже! – приказал он.

Им привели лошадь, Гвинет дали в руки узел с одеждой, и после этого пастор и его паства отступили назад. Гвинет снова поглядела на Рована, и тот понял, о чем она думает. Спасенной девушке действительно нужно время, чтобы набраться сил. Они должны вести с собой еще одну лошадь, пока Лайза не сможет держаться в седле сама.

Если только Лайза умеет ездить верхом. Если нет, то... они все равно заберут себе эту лошадь.

Рован спрыгнул с коня, поднял с земли молодую женщину, которая смотрела на него с восхищением и преданностью, и посадил ее на своего коня. Он хотел помочь Гвинет сесть в

седло, а их вооруженные охранники могли бы еще немного подождать в отдалении. Но Гвинет оказалась на спине своей кобылы раньше, чем он решился предложить помощь.

– В будущем, пастор, следите за тем, чтобы решать в своем суде только те дела, которые ему подсудны. Я поеду обратно этой же дорогой, – очень спокойным голосом предупредил он.

После этого он пустил свою лошадь по дороге рядом с лошадью Гвинет. Мнимая ведьма сидела впереди него, как тряпичная кукла.

Они ехали шагом: спешка могла изменить настроение жителей деревни и вызвать погоню. Гвинет догадалась об этом предположении Рована по взгляду, который он бросил на нее. Так они двигались, пока не оказались далеко за пределами видимости деревенских жителей.

– А теперь поспешим оказаться подальше от них, – сказал он, когда они выехали за границу селения. Путники еще не доехали до скалистых холмов настоящего горного края и потому могли двигаться с хорошей скоростью. В этом году Шотландию мучили необычные ветра и ранний холод, но льда и снега еще не было, и это тоже облегчало им путь.

Наконец Рован придержал коня возле деревьев рядом с маленьким ручьем и поднял руку, делая остальным знак остановиться. Маленький отряд выполнил его приказ.

– О-ох! Как болят мои кости, – пожаловалась Энни.

Гевин сошел с коня и помог неуклюжей служанке спешиться.

– Они не погонятся за нами, лорд Рован, – добавил он и покачал головой, явно осуждая жителей деревни.

– Я с тобой согласен, Гевин, но всегда лучше быть как можно дальше от любой неприятности, – ответил Рован.

После этого Рован прыгнул с коня, а затем осторожно снял с него спасенную девушку. Энни сочувственно заохала и заботливо бросилась помогать ей, как раньше делала это по отношению к Гвинет.

– Не хотите ли немного вина? – спросила Гвинет, взглянув на охранников.

– Хотим, миледи, и прямо сейчас, – ответил один из них, Дирк.

Рован усадил спасенную женщину на мягкую, покрытую сосновыми иглами землю под деревьями и прислонил ее спиной к крепкому дереву. Она пристально глядела на Гвинет, и Рован подумал, что сейчас его подопечная похожа на милосердного ангела, спустившегося на землю. В полумраке, под лучами солнца, пробивавшегося через природный навес из ветвей и листьев, ее волосы сияли словно золото, а в глазах светилось сострадание. У нее в руках был кожаный мешок с вином, и она поднесла его к губам молодой женщины.

– Пей медленно и мелкими глотками, – ласково посоветовала ей Гвинет.

Лайза так и сделала, и все время, пока пила, смотрела на нее. Когда Гвинет забрала у нее мешок, чтобы Лайза не захлебнулась, выпив слишком много и слишком быстро, спасенная сказала:

– Бог вас благословит, потому что я невиновна, клянусь в этом. Старая Мег злилась не из-за своей свиньи. Она думала, что я приворожила ее никчемного невежу мужа. Говорю как перед Богом, я не виновата, это правда. Я буду вечно верна вам и готова отдать за вас жизнь, – дрожащим от слабости и волнения голосом поклялась она.

– Так набирайся сил... и переоденься в достойную одежду. Можешь сделать это вон в том леске, чтобы тебя никто не видел, – сказала Гвинет.

– Я помогу ей, – пообещала Энни своей хозяйке и вместе с Лайзой пошла в сторону леса.

Гвинет почувствовала, что на нее пристально смотрит Рован, и, покраснев, пробормотала:

– Я верю, что она невиновна. По-моему, смешно думать, что Бог дал некоторым людям такую силу, что им достаточно взглянуть на другого человека – и с тем случается несчастье.

Он вздохнул:

– Ох, дорогая! Вы бы удивились, если бы знали, сколько зла может быть просто в уме человека.

– Эта женщина не ведьма. – Гвинет помолчала и негромко добавила: – Спасибо.

«Остановил бы я такую очевидную несправедливость, если бы вы не были со мной?» – мысленно спросил ее Рован.

– Сегодня я сделал как вы пожелали, поскольку не верю, что допрос был проведен по всем правилам, а пастор имел право приговорить ее к смерти. Преступление, за которое предусмотрено такое тяжкое наказание, подсудно более высоким судам. Но, миледи, я с сожалением должен сказать, что людей часто казнят за колдовство. Верите вы в колдовство или нет, за него карают смертью, поскольку оно идет рука об руку с ересью. И я снова напоминаю вам, что та самая королева, которую вы обожаете, верит в колдовство – и лорд Джеймс тоже верит. Как правило, члены клана Стюартов верят в проклятия и в ведьм.

Гвинет улыбнулась:

– Лорд Рован, я знаю, что вы начитанный и умный человек. Я, как и вы, знаю, что есть люди, которые считают, будто они могут сделать куклу, проколоть ее и высосать кровь из другого человека. И что есть люди, которые думают, будто могут варить из трав волшебные напитки. Но вы, разумеется, знаете, как и я, что большинство обвиняемых в таком злом деле – всего лишь знахари и знахарки, знающие свойства некоторых трав и цветов. Слишком часто у нас причиняют зло тем, кто делает все возможное, чтобы помочь другим.

– Пусть это так, но, если человек варит такой напиток, он рискует быть обвиненным в колдовстве. А колдовство подразумевает договор с дьяволом... и ересь, – устало закончил он.

– Это такая глупость!

– Это закон.

Она кивнула:

– Спасибо вам за очень поучительную беседу.

– Служить вам всем, чем возможно, моя обязанность, – сказал он весело, но с оттенком злой насмешки и поклонился Гвинет. Ее холодная благодарность рассердила его, но почему – он не мог понять.

Она была такой загадочной, и он был очарован ею. И нельзя было отрицать, что красота ее лица и фигуры действовали на него.

Рован напомнил себе, что возвращается домой. Он по-прежнему любил свою жену, но случившееся с ней несчастье превратило его прежнюю страсть в любовь, которую человек может испытывать к раненому ребенку или больному старому человеку.

– Нам нужно ехать. Прямо сейчас, – коротко бросил он, отвернулся от Гвинет и крикнул Энни, чтобы та привела Лайзу Даф, потом приказал своим людям, чтобы они селились на коней.

Сажая Лайзу на своего коня, он чувствовал, что Гвинет продолжает наблюдать за ним, и спросил себя: какие чувства теперь скрываются за ее странным неотступным взглядом?

Глава 5

Хотя горный край был родиной Гвинет, она всегда считала его дикой страной, где живут грубые, неученые и почти не имеющие закона люди.

Не имеющие закона – может быть, неверно сказано. Закон в горах был. Просто горские таны, лорды и главы семей жили по своим собственным законам. Во Франции она научилась тосковать по своим землякам. Шотландия могла бы стать великой страной, если бы великие лорды и бароны сражались на одной стороне, а не враждовали постоянно между собой и не старались обогатиться за счет своих соседей. Слишком часто, начиная с далекого прошлого, когда Уильям Уоллес так доблестно сражался за независимость Шотландии, бароны больше беспокоились о своих собственных поместьях и богатствах, чем о будущем своей страны. Еще можно было понять тех из них, кто был женат на англичанках. Многие знатнейшие шотландские лорды по наследству или путем брака приобрели земли в Англии, и у некоторых из них английские владения были более ценными, чем шотландские.

Слишком часто лорды словно сидели на заборе и смотрели, в какую сторону подует ветер победы, вместо того чтобы объединиться и стать одной грозной силой.

Размышляя об этом, Гвинет забыла, как красива ее родина.

С тех пор как к ним присоединилась Лайза Даф, они двигались медленно. Хотя Лайзу не пытали, она была слаба и к тому же так плохо ездил верхом, что не могла держаться даже на той лошади, которую им дали в селении, хотя это было довольно спокойное животное. Им часто приходилось останавливаться для отдыха, особенно когда они ехали по той части горного края, где склоны гор были очень крутыми, а дороги – ненадежными.

Через какое-то время они свернули на узкую тропу, которая шла по склону восхитительного холма, покрытого лиловыми цветами, и поднималась на его остроконечную вершину, откуда была видна великолепная долина. Земля в этой долине была плодородная. Гвинет разглядела крестьян, работавших на полях: было время жатвы, и нужно было собрать урожай, пока не наступили суровые осень и зима. За этими богатыми полями на голом каменистом склоне стоял укрепленный, словно бастион, господский дом. Был конец дня, и в ярких лучах заходящего солнца камни, из которых он был сложен, отсвечивали то золотом, то серебром. Эти же лучи заставляли сверкать ручей, который извивался перед окружавшим крепость рвом. Крепость не была ни такой большой, ни такой мощной, как Эдинбургский замок, но, как и он, в случае обороны была страшна для врагов уже благодаря одному своему местоположению. С вершины холма Гвинет видела, что за рвом находится обнесенный стенами двор, где торговцы сидели у своих лотков, заполненных всевозможными товарами, и женщины ходили туда-сюда по своим делам. К одной из стен двора примыкали сараи, в которых Гвинет разглядела множество кур и свиней.

Она украдкой посмотрела на Рована – он тоже не отводил глаз от этого селения. Его лицо выражало странную смесь чувств: душевное напряжение, в котором соединились гордость, боль и глубокая, смешанная со страданием задумчивость.

– Это замок Лохревен? – вполголоса спросила она.

Он повернулся к ней и ответил:

– Нет, замок Лохревен стоит на острове, северней Айлингтона. Но эти земли – часть владения Лохревен. А эта крепость называется Кэстл-Грей – Серый Замок. Так назвал ее один мой предок много веков назад: он знал, что наше родовое имя Грэм означает «из серого дома».

– Этот замок тоже принадлежит вам? – спросила Гвинет.

– Да. Он служит воротами на пути к островам, от названия которых происходит титул нашей семьи.

– Он... великолепен, – сказала она и смутилась, потому что Рован в ответ пробормотал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.